

"Мне не забыть..."

**Читайте больше БЕСПЛАТНОЙ литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org**

— Дорогая моя, ты чересчур требовательна к себе и к окружающим, — посетовала Нэнси, произнося тост по случаю тридцатилетия своей младшей сестры Эмили Ормонд. — Я внимательно наблюдала за тобой, ты с ходу отвергаешь самых галантных ухажеров. Нельзя отшивать беднягу прежде, чем он отелится произнести приветственную речь.

Мама, всегда тактично избегавшая деликатной темы, не выдержала и поддакнула старшей дочери:

— Нэнси права. Эми, девочка моя, в пятнадцать лет ты так трогательно рассуждала о замужестве, мечтала о сыне, а потом почему-то предпочла делать карьеру. Разумеется, я не собираюсь вмешиваться, если одиночество — то, что тебе нужно...

— Ты угадала, — отрезала Эмили, сознавая, как далек от истины подобный ответ.

Но иначе пришлось бы поведать матери о том, как один человек стал свидетелем позора и падения ее своенравной дочери. Эмили взяла себе за правило не искать сочувствия и держать все в себе, поскольку и жалость, и порицание одинаково унижительны.

Долгие годы она корила себя за беспечность и наивность, за неумение разбираться в людях и предвидеть развязку. Кошмар, ставший фактом ее биографии, оказался выше ее понимания, и Эмили сдалась: к чему терзаться понапрасну, разгадывая неразрешимую головоломку? — но навязчивые мысли не прогонишь доводами рассудка, они настырно возвращаются вновь и вновь и тиранят свою жертву.

Ни словом, ни жестом я не давала повода Гарри — вот оправдание, которое Эмили удалось отыскать в итоге изнурительных сеансов самоанализа. Глупенькая шестнадцатилетняя девочка не годится на роль коварной оболъстительницы, всему виной бокал крепкого вина, усыпивший инстинктивный страх невинности перед грубым натиском вождения. Эмили не смогла остановить Гарри... Разве кто-нибудь поверит, если рассказать правду?

Эмили рассудила, что постыдный эпизод из прошлого встанет непреодолимой преградой между нею и любым человеком, которого она полюбит. Значит, есть только один выход: держать себя в ежовых рукавицах, никогда не поддаваться слабости. Ведь если она никого не полюбит, следовательно, больше ни один мужчина не отвернется от нее с откровенной неприязнью и отвращением, как четырнадцать лет назад отвернулся Тони Богарт. Ах, Тони, Тони...

* * *

В загородном доме Сэмпсонов, неподалеку от Колрейна, праздновали знаменательное событие — крестины новорожденной Рейчел. Двухэтажный особняк и большой цветущий сад с трудом вмещали многочисленных гостей, пришедших поздравить счастливых родителей.

— Малышка восхитительна, но у Джоан и Эдгара теперь прибавится хлопот, — беззаботно щебетала Нэнси, обращаясь к Эмили. — Правда, ничуть не легче, когда у тебя двое почти взрослых детей. Скоро мои птенчики выпорхнут из гнезда, но я никогда не перестану тревожиться за них. К тому же Ричард... Эми, ты слушаешь?

Повинуясь настойчивости, прозвучавшей в голосе Нэнси, Эмили очнулась от задумчивости и машинально кивнула.

— Представляешь, — продолжала Нэнси, — Ричард уговаривает меня подарить ему еще одного сына. Приятный будет сюрприз для Майкла и Стефани, если мамочка преподнесет им братика! Нет, повторить подвиг Джоан и родить в сорок лет третьего ребенка я не способна. Детей я воспитала и теперь хочу пожить в свое удовольствие... Ну, а что у тебя на личном фронте?

Эмили и виду не подала, что этот вопрос ее больно задел. Десятилетняя разница в возрасте предопределила снисходительный, покровительственный тон, с детства усвоенный старшей сестрой в обхождении с младшей. Сама Нэнси одергивала всякого, кто имел смелость сунуть нос в ее семейную жизнь, изумляясь при этом, почему ее чуткая и гордая сестренка прячет сокровенное за семью замками. Назойливым и нескромным показалось Эмили “любопытство”, в действительности продиктованное искренним участием и любовью.

Откровенно говоря, сегодня она излишне чувствительно воспринимала каждое обращенное к ней слово. Нэнси даже не подозревает, какое тягостное впечатление производят крестины и прочее, связанное с радостями материнства, на одинокую бездетную женщину.

Эмили вздрогнула и резко обернулась, когда кто-то нечаянно задел ее плечом.

— Простите, мисс Ормонд, это моя вина...

Эмили не услышала извинений, уши словно заложило ватой, и она испугалась, что сейчас, на виду у всей этой разряженной публики, потеряет сознание. Неподалеку, непринужденно прислонившись к стволу старого дуба, стоял высокий мужчина и оценивающе смотрел на нее.

Тони Богарт!

Спокойно, сказала себе Эмили, спокойно. Этот человек явился сюда вовсе не потому, что вознамерился встретиться с тобой. Его пригласили точно так же, как и тебя, и всех остальных. Ведь никто не знает, что...

— Эми? — словно издали донесся голос Нэнси, испуганной бледностью и округлившимися вдруг глазами сестры.

Охватившее Эмили оцепенение сменилось предательской дрожью.

— Да что с тобой, детка? — Нэнси, не на шутку встревоженная, дотронулась до ее руки.

— Ничего, все в порядке. — Эмили энергично помотала головой, стряхивая наваждение, отчего аккуратно уложенные шелковистые каштановые волосы каскадом рассыпались по плечам.

Эмили смотрела на Нэнси, но видела перед собой другие черты — суровые и мужественные: губы, искривленные в презрительной усмешке, тонкий прямой нос, колдовские янтарно-карие глаза.

Тони, конечно, ничего не забыл — так же, как и она.

— Что случилось, дорогая, перегрелась на солнышке? И не убеждай меня, будто все в порядке. Зачем ты в такую жару сняла шляпу? Господи, Эми, порой ты бываешь несносна, хуже Майкла и Стефани!

Ошеломленная внезапной встречей, растерянная, Эмили не стала спорить, хотя в иных обстоятельствах непременно напомнила бы Нэнси, что вполне самостоятельна и не нуждается в опеке.

Тони Богарт... Эмили не могла точно припомнить, когда так же случайно столкнулась с ним в последний раз — три, четыре года назад? Он тоже жил в Колрейне, но их пути редко пересекались: Тони вращался в другом обществе и, кроме того, будучи главой процветающего туристического агентства, треть года отсутствовал — устраивал путешественникам увлекательные экскурсии на яхте по Средиземному морю и организовывал соревнования по серфингу.

Даже бойкая Нэнси оробела бы в присутствии этого мужчины, в чьих манерах сквозило чувство собственного превосходства и властность. Что же касается Эмили, то она бы воспользовалась любым предлогом, лишь бы убраться поскорее из гостеприимного дома Сэмпсонов.

К сестрам приблизился Эдгар Сэмпсон. Крошка Рейчел сладко спала на руках у отца; и снова сердце Эмили болезненно сжалось.

— Взгляни, какая прелестная малютка, Эми. Не пора ли и тебе обзавестись потомством?

Эмили опустила глаза. В который раз Эдгар на правах друга семьи заводит этот разговор! Разумеется, у него и в мыслях нет обидеть свою любимицу — напротив, он очень бы удивился, узнав, что огорчил ее. Эдгар искренне недоумевал, почему красавица Эми до сих пор не нашла подходящую партию: все ее школьные подруги давно замужем, причем некоторые уже успели развестись и вступить в брак вторично.

Впрочем, Эмили многие находили привлекательной и не понимали почти маниакальной приверженности затворническому образу жизни.

Эмили и впрямь научилась держаться холодно и неприступно, и, как правило, это срабатывало. Но не сегодня.

Сегодня естественная для каждого человека потребность в нежности и ласке снова всколыхнулась в Эмили. И вновь рядом оказался человек, который своим отношением разбил ей сердце.

Она вымученно улыбнулась в ответ на добрый, участливый взгляд Эдгара.

— Извини, дорогой, — проворковала Нэнси, мнившая себя светской львицей и считавшая неприличным оставлять вопрос без ответа. — Это все духота виновата, и солнце слишком яркое, а ведь у Эми кожа белая, как сметана. Пойди-ка, сестренка, укройся в тени, а я принесу твою шляпу.

— Нэнси, мне пора домой, — запротестовала Эмили,

— Так рано? — огорчился Эдгар. — Если ты устала, приляг в комнате для гостей. Остайся еще хоть ненадолго, пожалуйста.

— Завтра утром у меня совещание...

— Ладно, мне отлично известно упрямство моей сестрички, — снова вмешалась Нэнси. — Уговоры бесполезны, так ведь? Идем, я подвезу тебя. И не спорь. В таком состоянии ты за руль

не сядешь. Свою машину заберешь завтра.

* * *

Эмили пристегнула ремень безопасности, откинулась на спинку мягкого сиденья и внезапно ощутила смертельную усталость и почти физическую боль в груди. Она прекрасно знала, чем, точнее, кем вызваны симптомы недомогания. На этот раз самовнушение явно не поможет, ее захлестнули эмоции...

Пару лет назад Эмили поселилась за городом, в двадцати милях езды от Колрейна. Возмущению Нэнси не было границ, когда младшая сестра продала свою комфортабельную, шикарно обставленную квартиру и приобрела старенький, полуразвалившийся коттедж.

— Вкладывать деньги в эту халупу — все равно что лить воду в бездонную бочку, — предупредила Нэнси. — Да ты сбежишь, как только ударит первый мороз!

И неодобрительно сдвинула брови, заметив, что ее увещевания не возымели действия. Эмили лишь равнодушно пожала плечами.

Она с энтузиазмом принялась за дело и через месяц пригласила скептически настроенных родственников на новоселье. Стараниями Эмили невзрачный домик преобразился, строгие судьбы похвалили и внутреннюю отделку, и фасад...

Автомобиль плавно притормозил у калитки.

— И тебе не страшно здесь одной? — Нэнси с неудовольствием оглядела жилище Эмили.

— Перестань, я же не беззащитный ребенок.

— Для меня ты по-прежнему младшая сестренка, — возразила Нэнси. — Какая же ты взрослая, если не в состоянии позаботиться даже о своем здоровье?

Как это похоже на Нэнси — последнее слово непременно должно остаться за ней. Однако обижаться на нее грешно: она всегда старается уберечь близких от невзгод. Раздражение Эмили мгновенно улетучилось, когда она заметила в глазах сестры неподдельную тревогу.

— Не волнуйся, пожалуйста, со мной все будет хорошо, — заверила Эмили. — Выплюсь как следует и...

— Позвони мне утром. Я отвезу детей в колледж, потом заеду к тебе, и мы съездим к Сэмпсонам за твоим “бентли”.

Эмили недовольно нахмурилась. Совещание назначено на половину десятого, и нельзя опаздывать ни на минуту. Пришлось пустить в ход невероятные ухищрения, чтобы Уильям Бэдфорд милостиво согласился уделить ей внимание. Упускать такой шанс — просто преступление.

Известие о том, что Эмили унаследовала дело отца, ошарашило всех, в особенности Нэнси. Должность менеджера в страховом агентстве и та достаточно высока для молодой женщины, что уж говорить о генеральном директоре! Это настоящий переворот в бизнесе.

Как выяснилось, доказать клиентам свою компетентность нелегко, даже если начинаешь не с нуля. Но однажды Эмили удалось разобраться с чрезвычайно запутанной ситуацией и добиться

выплаты страховки для человека, который совсем отчаялся получить деньги. Он был настолько впечатлен, что рекомендовал “очаровательную мисс Ормонд” своим друзьям и знакомым. И все же Эмили еще не раз довелось столкнуться с мнительностью и неверием в ее профессиональные качества.

Хотя присущий ей дар красноречия и смекалка творили чудеса, Эмили не хватало напористости. Не внушал доверия и миниатюрный рост в пять футов и три дюйма, и хрупкая фигурка, и нежные черты лица. Некоторые неизбежно задавались вопросом: не подразумевает ли утонченная внешность неискренности и слабости? Вряд ли очаровательная мисс сможет противостоять изощренным беспощадным дельцам, которые зачастую играют не по правилам.

В мире бизнеса психологическое воздействие на противника — неотъемлемая деталь каждой сделки. Эмили не подчинялась общепринятой тактике, но, когда требовалось, умела быть на удивление решительной и неуступчивой. Она отказывалась действовать безжалостно, и ее порядочность и профессиональные советы оценили по достоинству. По-настоящему больших денег она, может, и не заработала, но хорошо и то, что более крупные конкуренты не поглотили агентство за время пребывания Эмили на посту генерального директора.

Да, дела шли хорошо, но она не собиралась почивать на лаврах и держала ушки на макушке. Стоило, например, распространиться в деловых кругах Колрейна слуху, будто Уильям Бэдфорд, владелец нескольких предприятий в Ирландии и Уэльсе, не удовлетворен работой агентства, застраховавшего его имущество, и Эмили оказалась тут как тут. Узнав, что поводом для окончательного разрыва послужил пожар в одном из складских помещений, нанесший господину Бэдфорду колоссальный ущерб, и что страховое агентство тем не менее выплатило ему лишь двадцать процентов оговоренной в договоре суммы, Эмили мгновенно предложила потерпевшему свои услуги.

Мистер Бэдфорд, ровесник ее отца, настороженно отнесся к возможности сотрудничества. Эмили приготовилась к допросу с пристрастием, понимая, что завоевать расположение убежденного седины бизнесмена, обманутого ее коллегами, — задача, достойная ловкого дипломата.

Но Эмили давно решила для себя: потерпев фиаско в личной жизни, она возьмет реванш на другом поприще; потеряв надежду на взаимную любовь, по крайней мере вновь обретет самоуважение. В предстоящем поединке с Бэдфордом очко выпадет в ее пользу, судьба не отнимет у нее все радости.

Все — нет, только те, которых Эмили жаждала в юности как величайшего счастья: быть любимой любимым человеком... иметь здорового ребенка... крепкую семью. Несбыточные подростковые фантазии...

Распроставшись с Нэнси и захлопнув входную дверь, Эмили побрела в комнату, бросилась ничком на кушетку и заплакала громко, навзрыд, не таясь — никто не увидит ее слез.

Черт бы побрал Тони Богарта! Неужели прошлое будет вечно преследовать ее? Сколько драгоценных лет растрчено сначала на пустопорожние мечты, потом — на бесплодные сожаления! Пора поставить на прошлом крест, будущее — вот что действительно важно.

2

Эмили выждала несколько часов, чтобы быть уверенной: вечеринка у Сэмпсонов наверняка закончилась и гости, в частности Тони Богарт, разошлись, — и вызвала такси. Она не

побеспокоит хозяев: ее “бентли” припаркован почти у самых ворот их участка.

Около девяти часов, когда словоохотливый водитель высадил свою молчаливую пассажирку у дома Сэмпсонов, сумерки еще не сгустились, и было совсем светло. Эмили полной грудью вдохнула ароматный летний воздух. Джоан и Эдгару повезло — в такую чудесную погоду за городом необыкновенно красиво.

Эмили стала копаться в сумочке в поисках ключей.

— Ага, попалась!

Она испуганно отпрянула, но в следующий момент с облегчением поняла, что это Эдгар.

— Джоан заметила, как ты подъехала. Почему бы тебе не зайти к нам на минутку?

Эмили обнаружила только три машины — Эдгара, Джоан и свою, значит, если уж ей не отвертеться от гостеприимства Сэмпсонов, то можно хотя бы не опасаться нежелательной встречи.

Эдгар взял Эмили под руку, будто опасаясь, что она опять улизнет, и повел в дом.

— Хорошо, что ты здесь, моей жене не терпится поделиться с кем-нибудь новостями о малышке. Рейчел счастливица, никогда не видел такой кучи подарков.

Эдгар сразу поднялся наверх — выяснить, из-за чего сыновья затеяли драку, а Джоан провела Эмили в детскую, где в розовой колыбельке, обшитой кружевами, спала Рейчел, и посвятила в свои грандиозные планы: когда крошке исполнится годик, Эдгар установит в саду качели...

В холле громко зазвонил телефон, и Рейчел тут же проснулась и заплакала. Джоан схватила ее и, передавая подруге крикливый маленький сверток, попросила:

— Подержи ее, пожалуйста, я мигом.

Эмили почувствовала неповторимый нежный запах младенца. Затаив дыхание, дрожащими руками она взяла девочку, не решаясь прижать ее к груди. Очевидно, благоговейный трепет Эмили и почтительное расстояние, которое она соблюдала, пришлось малютке не по вкусу, поскольку пронзительный, надрывный младенческий крик усилился. Тогда Эмили прижала головку Рейчел к своему плечу и начала расхаживать по комнате, тихонько напевая.

Постепенно Рейчел успокоилась, жалобно всхлипнула в последний раз и крепко заснула, убаюканная ласковым голосом Эмили. Малышка уткнулась носиком ей в грудь — произвольное, естественное движение, но каждой клеточкой своего тела Эмили отозвалась на него.

Она всегда старательно избегала контактов с грудными детьми, предпочитая детей постарше. Ребенок подрастает, его беспомощность и незащищенность становятся менее ощутимы, и разрушительное чувство утраты и вины уже не так мучительно, как сейчас, когда Эмили прижимает к своей груди крохотное тельце.

Вернулась Джоан, и гостя поспешила распрощаться.

— Утром мне рано вставать, — объяснила Эмили. — Твои сметы будут готовы ко вторнику, обещаю.

Только в салоне автомобиля Эмили вспомнила, что оставила свою соломенную шляпку в гостиной Сэмпсонов.

На обратном пути она педантично перебрала в уме все вопросы, которые завтра намеревалась обсудить с Уильямом Бэдфордом. Предлагаемый ею проект оригинален и прост, поэтому есть все основания рассчитывать на благоприятный исход дела.

Едва Эмили ступила в темный коридор, раздался телефонный звонок: Нэнси решила проверить, не стало ли сестренке лучше, и пожелать спокойной ночи. Стараясь придать своему голосу беззаботность, Эмили заверила, что чувствует себя превосходно.

Она приняла ванну, добавив в воду ароматической успокаивающей соли, закуталась в мягкое махровое полотенце, подошла к зеркалу и критически всмотрелась в свое отражение.

Кожа у нее всегда была белоснежной, почти прозрачной, поэтому постоянно приходилось пользоваться солнцезащитными и увлажняющими кремами и лосьонами. Но от потрясения, вызванного неожиданной и неприятной встречей, бледность особенно бросалась в глаза.

Поежившись, Эмили отвернулась, отказываясь видеть и... вспоминать. Хватит того, что человек, который так бесцеремонно разглядывал ее в саду у Сэмпсонов, помнит все до мельчайших подробностей. Она прочла это по его глазам, полным ледяной отчужденности. Бесплодны все ее старания похоронить прошлое, забыть чудовищную ошибку — Тони не изменит своего мнения о ней, та отвратительная сцена не изгладится из его памяти... По крайней мере, об одном он не осведомлен, и эта тайна принадлежит исключительно Эмили.

Она опомнилась, заметив, что прокусила нижнюю губу, и кровь тонкой струйкой течет по подбородку. Эмили досадливо поморщилась: наутро ранка припухнет, придется наложить густой слой помады. Собеседница господина Бэдфорда должна выглядеть респектабельно как минимум.

Прежде чем отправиться спать, Эмили проверила, все ли готово к завтрашнему мероприятию; прямая светло-коричневая юбка и шелковая кремовая блузка тщательно отутюжены, туфли-лодочки начищены до блеска, а в изящном дамском портфельчике-“дипломате” в образцовом порядке рассортированы необходимые документы.

Эмили не собиралась выступать в амплуа суперледи — подобная роль все равно бы ей не удалась. Секрет ее успеха заключался в умелом подходе, в искусстве вести беседу и безошибочным чутьем угадывать пожелания клиента. Она не придавала внешности решающего значения, хотя одевалась элегантно и с безупречным вкусом подбирала макияж.

Зато Нэнси уверяла Эмили, что мужчины не в силах устоять перед ее чарами.

— Не лишай их надежды добиться твоей благосклонности — любовь мужчины сделала бы тебя счастливой, дорогая. Пусть сначала прельщаются внешней оболочкой. Ты чертовски хороша собой, любая женщина на твоём месте не преминула бы разыграть эту карту.

— Я не играю в азартные игры, — буркнула Эмили.

Расставить сети, рискуя самой угодить в капкан?..

Принимай все как есть, твердила себе Эмили. Разве ты несчастна? Жить одной спокойно и необременительно, твой дом — неприступная крепость. Иногда хочется на кого-нибудь опереться? Так ты же привыкла быть сильной, терпи. Это не слишком высокая цена за свободу

и душевное равновесие.

Эмили стонала и металась во сне, потом рывком села на постели, оглушенная, вся в испарине, с широко распахнутыми от ужаса глазами. Она даже заткнула уши — только бы не слышать этот непрекращающийся детский плач.

Тусклый свет луны начертил круг посреди ее спальни, и в полумраке Эмили различала знакомые предметы: ночной столик, торшер, пуф, два кресла, картину на стене.

Ей приснилась больничная палата в родильном отделении, куда ее доставила карета “скорой помощи”. Крики новорожденных ножами вонзались в сердце, напоминая о ребенке — нежеланном, зачатом против своей воли, — которого она только что потеряла. Эмили это дитя виделось обузой, грозящей искалечить дальнейшую жизнь.

Отныне ничто не угрожает ее будущему, почему же нет облегчения и радости, и острая боль вызвана не только кровотечением, сопровождавшим выкидыш? Словно раскаленная игла, впивался в ее истерзанное тело детский писк. Она не сумела сохранить, уберечь крохотное существо, и отныне ей не будет покоя.

Лоб у Эмили горел, а ноги были холодны как лед, несмотря на теплую ночь. Простыни насквозь промокли от липкого пота...

Ей тогда едва исполнилось шестнадцать — совсем девчонка, но женское начало проявилось достаточно сильно, чтобы она оплакивала ощущение пустоты в потаенном уголке своего тела и горевала о безвозвратно потерянной маленькой жизни.

Шестнадцатилетняя девственница, не имеющая представления о мужских аппетитах, она все же была обязана распознать... догадаться. Сама во всем виновата — такое обвинение бросил ей в лицо Тони Богарт. Своим развязным поведением спровоцировала парня, уединилась с ним в комнате на втором этаже. Неужели не ясно, к чему приводят подобные игры?

Эмили отведала предложенного Гарри “изысканного напитка”, точнее, слегка пригубила, но, как обнаружилось впоследствии, в вино подмешали наркотик.

Нет, она не заслуживала оправдания. Не надо было пить, да и вообще появляться на той вечеринке. Родители Эмили уехали отдыхать, свекор Нэнси перенес инсульт, и сестру срочно вызвали в Ньюкасл. Так Эмили оказалась предоставленной самой себе. Иначе ей не позволили бы провести ночь в сомнительной компании, но, увы, запретить было некому, и то ли из желания порисоваться, а может, из боязни дать повод для насмешек, она поддалась на уговоры и присоединилась к друзьям.

Эмили поднялась с постели — бесполезно пытаться заснуть сразу после кошмара. И постоянно воскрешать в памяти печальные обстоятельства тоже бесполезно. Она, будто мазохистка, упивается своим грехом, повторяет про себя циничные, язвительные слова, произнесенные Тони, и вспоминает гримасу омерзения на его лице, когда он уставился на нее, полуобнаженную, скорчившуюся на диване в неестественной позе.

Пока не выветрилось опьянение, а вместе с ним и шок, мысль о беременности Эмили и в голову не приходила. Ползучий страх закрался в сознание позже, но даже тогда она истерически сопротивлялась и продолжала грезить: вот наутро открою глаза, и страшный сон прервется,

Она ни с кем не поделила своих страданий, и за пять недель из ребенка превратилась во взрослую женщину. Вскоре подозрения переросли в уверенность, но Эмили бездействовала.

Жизнь вернулась в прежнее русло, и в редкие минуты забвения бедняжка надеялась на чудесное исцеление: приступы тошноты прекратятся, в оскверненном теле восстановятся нормальные физиологические процессы, бессонница исчезнет как по мановению волшебной палочки.

Родные заметили произошедшую с Эмили перемену, но разбираться в девичьих переживаниях не стали: возраст такой, девочка взрослеет. При ее неслыханной гордости и потрясающем самообладании Эмили не составило труда скрыть отчаяние.

Через три недели после вечеринки, обернувшейся для Эмили трагедией, мистер и миссис Богарт, дядя и тетя Тони, навсегда уехали в Новую Зеландию. И сыночка Гарри прихватили с собой.

Эмили упорно пыталась убедить себя, что с годами боль от потери ребенка притупится, но время от времени тривиальная бытовая сценка — молодая мама, прогуливающаяся с коляской, или реклама детского питания по телевизору — заставляла Эмили вздрагивать. При виде беременной женщины она вспыхивала и отводила глаза, чувствуя, как внутри закипает панический ужас.

Миссис Ормонд обратила внимание, что младшая дочь чахнет, упорно ищет одиночества, и после недолгих размышлений отыскала источник опасности: подготовка к экзаменам изматывает Эмили. Куда это годится — девочка утратила всю свою живость!

Воспитательная беседа с матерью обернулась для Эмили пыткой. Искушение переложить тяжесть и ответственность на чужие плечи было велико, но испытывать любовь и доверие родителей она не рискнула.

Несчастье произошло, когда родители Эмили гостили у знакомых, а Нэнси еще не могла покинуть Ньюкасл. Эмили отправилась на книжную ярмарку в Белфаст. Она выбрала и купила нужные учебники, добралась до автобусной остановки. Внезапно ее пронзила жгучая боль. Эмили выронила книги, инстинктивно схватилась за живот и упала, ударившись головой об асфальт.

Очнулась она в госпитале, в окружении рожениц и младенцев. Доктор выразил ей соболезнования и, используя непонятные медицинские термины, сообщил о предполагаемой причине выкидыша.

— Оставайтесь здесь, пока не оправитесь. Мы хотим убедиться, что нет осложнений, — вежливо сказал он.

Потом о ней как будто забыли. Никто не пришел проведать ее, не принес лекарства. Позже выяснилось, что в тот день при крушении поезда погибло несколько человек, и в больнице выхаживали пострадавших.

В суматохе упустили из виду, что родственников Эмили не уведомили о случившемся с ней несчастье. На следующий день ее выписали, и она благодарила Бога, что все так удобно устроилось: не придется оправдываться, выслушивать гневные упреки. Но раскаяние и нечистая совесть не давали ей спать спокойно. Она еще больше ушла в себя, вздрагивала каждый раз, если с нею неожиданно заговаривали.

Никто не узнает, что с нею стряслось, она не выдаст себя. Раньше это было проблематично, теперь — само собой разумеется. Эмили содрогнулась: страшно подумать, чем могло завершиться ее “приключение”. Давний урок она усвоила прочно: не следует пренебрегать

своей репутацией. Но вопреки условностям и принципам, которыми Эмили напичкали в семье и в колледже, она сознавала, что никогда не смирится с утратой. Часть ее души и тела умерла вместе с нерожденным ребенком...

* * *

Эмили босиком прошлепала по ковру, спустилась в кухню, вскипятила электрический чайник, заварила свежий чай и высыпала в вазочку пригоршню овсяного печенья. Вечером она забыла о неизменном ритуале чаепития, вот почему ей не спится.

Эмили давно приняла твердое решение: ребенка у нее никогда не будет. Мыслимо ли допустить, чтобы все повторилось? И где гарантия, что другой мужчина не окажется таким же мерзавцем, как Гарри Богарт?..

Кто сказал, что время лечит? Изо дня в день на протяжении четырнадцати лет каждая деталь той безобразной ночи четко вырисовывалась в ее воображении.

Когда Эмили поняла, что происходит, она отбивалась и умоляла Гарри прекратить, но он схватил ее за запястья — после этого на руках еще долго не проходили синяки и следы от его острых коротко обрезанных ногтей, — швырнул на кровать и придавил всей тяжестью. Бессильные слезы застилали глаза Эмили, катились по вискам, она извивалась от раздирающей боли, но позвать на помощь не могла: Гарри зажал ей рот ладонью, к тому же музыка в доме гремела так, что стены дрожали.

Удовлетворяя свою грязную похоть, он со свистом часто дышал сквозь стиснутые зубы, все неистовее сжимая Эмили руки, и наконец оставил свою истерзанную жертву, поднялся, с победоносной ухмылкой глядя сверху вниз на ее распростертое тело...

Среди сверстников Эмили прослыла домоседкой, синим чулком. Она сосредоточилась на учебе, блестяще окончила колледж, поступила в университет. Навсегда отказавшись от фривольных развлечений и любви, она тешила себя мыслью, что компенсирует утраченные иллюзии осязаемым, устойчивым благополучием.

Прежде Эмили не строила планов, просто плыла по течению; теперь же в ее обособленном мирке соблюдался особый распорядок. Она не создана для семьи. Когда-то она идеализировала институт брака, но, наблюдая со стороны, ужаснулась, с какой невероятной легкостью нарушаются взаимные обязательства.

У всякого человека, заикленного на собственной персоне, возникает неодолимый страх: вдруг кто-то станет тебе нужен как воздух? И Эмили возомнила себя самодостаточной. Но почему-то влюбленные парочки и резвящиеся детишки вызвали у нее смутное чувство, будто она обделена чем-то очень важным.

Эмили выплеснула остывший чай в раковину и к печенью не притронулась, кусок не шел в горло... К счастью, она не суеверна, ведь встреча с Тони — не самое благоприятное предзнаменование.

Эмили устало потянулась, зевнула и нехотя поплелась обратно в спальню. Приняла снотворное и юркнула под одеяло. Но еще долго она ворочалась, разгоряченной щекой прикладываясь к подушке в поисках холодного местечка, и задремала только на рассвете.

Громадная очередь на бензоколонке как назло образовалась именно сейчас, когда она опаздывает и нервничает. Эмили нетерпеливо поглядывала на часы и переминалась с ноги на ногу, ожидая, пока освободится шланг. Вроде бы она не упустила ни одной мелочи, тысячу раз все перепроверила, и вдруг посреди дороги индикатор стал показывать, что бензин на исходе.

Эмили оттеснила нахального автомобилиста, который норовил ее опередить, и, когда завладела шлангом, от неловкого движения тот вывернулся, пахучая едкая жидкость брызнула ей на ноги. Всего несколько капель попало на колготки и туфли, но стойкий запах не рассеивался. Едва Эмили уселась в машину, вонь распространилась по всему салону, перебивая цветочный аромат духов.

Как правило, Эмили приезжала на деловые свидания с небольшим запасом времени. Однако этим утром все возможные препятствия одно за другим возникали у нее на пути. Пятнадцать минут потрачено на заправку, а чуть погода на шоссе образовалась пробка: на повороте занесло грузовик, и на дорогу полетели железные листы. В итоге Эмили прибыла на место за пять минут до назначенного срока и с невероятным трудом нашла место для парковки.

Эмили порылась в бардачке, отыскала лосьон — подарок Нэнси — с терпким, сладковатым запахом и протерла ватным тампоном пятнышки от бензина. Хорошо, если господин Бэдфорд не учует эту пакость прямо с порога и впустит Эмили в кабинет.

Через минуту она впопыхах влетела в лифт, абсолютно уверенная, что выглядит после такой сумасшедшей гонки пугало пугалом. Но, повертевшись перед зеркалом в кабине лифта, Эмили показала себе на диво собранной и хладнокровной. Интересно, установлена ли здесь скрытая камера? Любопытно понаблюдать за человеком, пока он еще не успел изобразить дежурную улыбку и напустить на себя непроницаемый вид.

Автоматические двери бесшумно распахнулись, Эмили сделала глубокий вздох и шагнула в фойе.

Она не ошиблась, когда, предварительно договариваясь с мистером Бэдфордом по телефону, сделала вывод о его шовинистских воззрениях. Он любезно улыбнулся, но при этом наградил Эмили колючим, подозрительным взглядом.

Если бы она работала секретаршей или ассистенткой в его офисе, пожилой джентльмен наверняка вел бы себя обходительно и учтиво, возможно, даже попытался бы приударить за ней. Очевидно, он не имел ничего против Эмили Ормонд лично, просто считал избранное ею поприще не подходящим для молодой привлекательной женщины.

Невзирая на предрассудки, господин Бэдфорд превыше всего ценил в людях деловую хватку и быстро смекнул, какие выгоды ему сулит сотрудничество с Эмили.

Он без околичностей приступил к делу:

— Значит, вы добудете для нас недостающую сумму?

Эмили отрицательно покачала головой. Она не поймается на эту удочку.

— Не зная всех подробностей переговоров между вами и страховым агентством, я не берусь что-либо предпринимать.

Эмили усмехнулась про себя: Бэдфорд стал мрачен как туча — наверняка намек о частной договоренности клиента и страховщиков попал в цель.

Недобросовестные фирмы всю пользу получают приемами, недозволенными с точки зрения профессиональной этики: клиентов уговаривают продлить отсрочку выплаты страховки, изложить претензии в письменной форме... Словом, время тянут всеми доступными средствами и, когда загнанному в угол человеку позарез нужна хоть какая-то сумма, предлагают: либо подаете в суд и снова теряете время, либо получаете наличные на наших условиях.

Эмили считала своим долгом защищать интересы клиентов, пусть ради этого требуется перещеголять пройдошистых коллег по части заговаривания зубов.

— Надеюсь, сэр, я смогу вас выручить, — Эмили достала папку с документами. — Если не возражаете, просмотрите эти заметки — в них вкратце изложен мой план. И звоните мне в любое время.

К немалому удивлению Эмили, мистер Бэдфорд проводил ее, распахнул перед нею дверь и вышел следом в фойе. Она поняла почему, когда попрощалась со своим собеседником и повернулась спиной к двери офиса.

Тони Богарт, закинув ногу на ногу, удобно расположился в одном из мягких кожаных кресел в холле, ожидая, по-видимому, господина Бэдфорда, поскольку немедленно поднялся ему навстречу. Эмили застыла как вкопанная, будто увидела призрак; жаркая волна прилила к ее щекам. Мужчины обменялись рукопожатием, Бэдфорд дружески похлопал Тони по плечу; из обрывков разговора стало ясно, что они намереваются вместе позавтракать. Тут Эмили опомнилась и поспешила к лифту.

Прочь отсюда, беги! Не прождав и пяти секунд, она бросилась к лестнице, уже не пытаясь скрыть смятение, но в спешке выронила “дипломат”, замки расстегнулись и бумаги рассыпались по полу.

Эмили присела на корточки и принялась лихорадочно собирать документы, опустив голову, чтобы никто не видел, как краска стыда заливает ее лицо. К ее неопишному ужасу, несколько листов приземлились около Тони Богарта. Она замерла в нерешительности, но Тони наклонился, поднял бумажки и твердым шагом направился к ней.

Эмили смотрела ему в глаза, как затравленный зверек, ослепленный светом фар. Она попыталась выпрямиться и на мгновение потеряла равновесие. Тони подхватил ее, и Эмили почувствовала у себя под локтем сильную, горячую ладонь. Он подошел так близко, что Эмили ощутила чуть горьковатый запах мужской туалетной воды и подсознательно поразились контрасту белизны своей руки на фоне смуглой кожи Тони.

Эмили заметила быстрый взгляд, скользнувший по ее ногам и то, как вздрагивают ноздри Тони. Она готова была сквозь землю провалиться. Запинаясь, пробормотала слова благодарности и отдернула руку. Плотные сжатые губы и прищуренные глаза мужчины свидетельствовали о невыразимом презрении.

Вечно он застаёт ее врасплох в самом неприглядном виде! “Приятное”, должно быть, впечатление сложилось у него: распущенная, наглая девица, которая напропалую флиртует с кем попало и вдобавок корчит из себя деловую даму. А сладострастный запах духов как нельзя лучше соответствует имиджу обольстительницы.

Эмили полагала, что улавливает ход его мыслей. Выбор парфюма многое говорит о женщине; сдержанный, изысканный аромат выдает ту, которая, в отличие от мисс Ормонд, бережет свое достоинство...

Эмили с робкой надеждой снова взглянула в зеркало, но на этот раз ее опасения оправдались. Она покраснела до корней волос, на щеках — бордовые пятна, огромные васильковые глаза кажутся почти черными из-за расширенных зрачков. А губы ярко-алые, распухшие... как от поцелуя.

Эмили в сердцах отвернулась, еле сдерживая подступившие к горлу рыдания и, только когда укрылась в машине и подняла затемненные стекла, дала волю слезам. Это из-за Уильяма Бэдфорда, наивно пыталась уверить себя Эмили, он не проявил ни капли энтузиазма и не станет со мной связываться. Тони здесь ни при чем, конечно нет. Он немножко расстроил меня, но слезы застилают мне глаза не из-за этого.

Впрочем, не его осуждение ранит больше всего. Сталкиваясь с Тони лицом к лицу, Эмили всякий раз вспоминала события многолетней давности и жестокие, обидные слова, которые он ей наговорил. Несомненно, все эти годы Тони видел за изменившейся внешней оболочкой ту же девочку, одурманенную алкоголем и “любовью”, и сбрасывал со счетов своего кузена, который подпоил Эмили, приволок в спальню родителей и одержал “триумфальную” победу — соблазнил принцессу-недотрогу. Еще бы, ведь, по версии Гарри, девчонка сама напросилась, почти силком затащила его в постель и прямо-таки на коленях упрашивала доставить ей наслаждение. А Эмили, подавленная, униженная морально и физически, ни звука не вымолвила в свою защиту.

Гарри изрядно напился и толком ничего не помнил, и потому не разболтал всей округе о своем “подвиге”. Таким образом, Тони и Эмили поделили тайну на двоих, причем истинное положение вещей было известно только ей. Тони же считал, что она затесалась в компанию подростков, сексуально озабоченных и бездумно экспериментирующих со спиртными напитками. Он разозлился на Гарри, что тот воспользовался отсутствием родителей и, не предупредив брата, устроил вечеринку, да еще развлекался здесь с подружкой. Но Эмили почувствовала, что у Тони отвращение к ней пересиливает досаду на беспутного Гарри.

Трудно вообразить более чудовищную несправедливость. До этого Эмили даже не целовалась ни с одним мальчиком, не говоря уже обо всем остальном. Одноклассницы постоянно острили по поводу ее застенчивости и неопытности и подначивали хоть разок повеселиться на полную катушку — отчасти поэтому она приняла приглашение Гарри, никак не предполагая, что приятель положил на нее глаз и ищет случая покорить неприступную гордячку. Почему осуждение его старшего брата особенно задело Эмили, в этом она не отдавала себе отчета.

Эмили отерла слезы тыльной стороной ладони. Она всегда храбро держалась, залижет и теперь растравленную рану. Внезапно в порыве отчаяния ей захотелось очутиться в надежных, крепких объятиях, чтобы кто-нибудь укачивал, утешал ее, как маленькую девочку, и тогда пройдет горечь и закончатся приступы самобичевания.

Четырнадцать лет пролетели для Эмили как четырнадцать дней: прошлое точно магнит, притягивало всю ее последующую жизнь. Она никому не досаждала, не навязывалась со своими переживаниями, не стремилась окунуться с головой в будничные заботы, внешние события практически не затрагивали ее внутреннего мира. Кому удалось бы избавить ее от уныния?

Только не Тони, он не способен понять женщину. Нетрудно представить его реакцию. В лучшем случае, сказал бы в утешение, что Эмили повезло больше, чем она того заслуживает. Но сострадания от него не дождешься. Он лишь отмахнется, как когда-то повернулся к ней спиной, чтобы выслушать оправдания кузена.

Ее Тони навестил позже — перепугался, как бы она не причинила вреда его драгоценному братцу...

Эмили включила зажигание и, обогнув длинный ряд автомобилей, вырулила на проезжую часть.

4

По пятницам — в начале каждого уикэнда — Нэнси и Ричард устраивали ужин в тесном семейном кругу, и Эмили всегда с удовольствием соблюдала эту традицию.

На веранду вынесли большой стол и плетеные кресла. Нэнси приготовила индейку, а к чаю испекла свое фирменное блюдо — любимый всеми яблочный пирог.

— Ну, Эми, как принял тебя мистер Бэдфорд? — пробасил Ричард.

Эмили в замешательстве посмотрела на зятя.

— Он до сих пор не позвонил, и, по правде сказать, я сомневаюсь, что сделка состоится. Этот господин не из тех, кто жаждет работать бок о бок с дамами. Жаль, папа отошел от дел — ему бы не дали от ворот поворот, и мою идею удалось бы реализовать. — Эмили выдержала паузу, но все сочувственно молчали, и она заговорила снова: — Ну да ладно, агентство в любом случае не в убытке, а Бэдфорд проворонит уникальный шанс. Сдается мне, его здорово облапошили, обтяпали украдкой за его спиной свои темные делишки, а деньги пустили в оборот, чтобы расплатиться с остальной клиентурой.

— Ты так ему и заявила? — удивленно спросила Нэнси.

— Я поделилась с ним своими соображениями не настолько прямолинейно, но он догадался, что я имею в виду.

— Мужчины бы рады посадить нас, женщин, под замок! — негодуяще ввернула Стефани, и Эмили про себя отметила, что у ее четырнадцатилетней племянницы налицо все задатки яркой поборницы женских прав.

Майкл, более добродушный, чем сестра, поспешил разрядить обстановку и перевел разговор на другую тему:

— Интересно, как там дедушка с бабушкой? Наверное, разгуливают по улицам Токио...

— Да, Япония — последний пункт их маршрута, — отозвалась Эмили.

— Несмотря на преклонный возраст, они так легки на подъем! Никогда бы не подумала, что наши старички всерьез замышляют кругосветное путешествие, — сказала Нэнси.

— Ничего подобного, — горячо возразила Эмили, — они мечтали об этой поездке давным-давно.

— Кстати, о путешествиях. Мы собираемся на Лох-Несс на выходные, не хочешь составить нам компанию? — предложил Ричард.

— Я бы с удовольствием, но завтра нужно помочь Люси О'Доннелл — у нее угнали машину. В полицию заявили, но безуспешно, попробуем хотя бы получить страховку.

Уже стемнело, и Эмили собралась уходить, но Нэнси удержала ее умоляющим взглядом.

— Подожди, Эми, мне надо кое-что тебе сказать. Стефани, Майкл, марш наверх! — скомандовала она.

Дети послушно поднялись из-за стола, а Ричард пробормотал что-то насчет неотложных дел и незаметно испарился, предоставив сестрам беседовать тет-а-тет.

Весь вечер Нэнси была на взводе, раздражалась по пустякам, и, как только они остались одни, Эмили ласково коснулась ее руки.

— Что с тобой, сестричка?

Глаза Нэнси наполнились слезами, уголки губ печально опустились.

— Я беременна, — плаксиво сообщила она, — узнала только сегодня утром... Я думала, это возрастное... Меня тошнило и голова кружилась, пришлось обратиться к доктору Норману. Когда он обследовал меня и завел речь о ребенке, я сначала не поверила и расхохоталась. Господи, Эми, я чувствую себя идиоткой! Что скажут Майкл и Стефани? Вынашивать ребенка в сорок лет — это же абсурд! А Дик добился своего и расхаживает по дому гордый, как павлин, мучиться-то не ему. — Нэнси шмыгнула носом и энергично высморкалась. — Прости, я тут устроила настоящий потоп...

— Полно, дорогая, не так уж безнадежно твое положение, — перебила Эмили. — Многие женщины в сорок лет рожают первенца, а что касается Стефани и Майкла... погоди, не горячись, все образуется.

У Нэнси будет ребенок... Внешне Эмили казалась спокойной, говорила теплые, нежные слова, поздравляла Ричарда, смущенного и счастливого, но про себя восприняла новость совсем иначе. Она завидовала сестре, хотя яростно оборонялась от непрошеного гнетущего чувства.

Такого рода зависть давно и прочно укоренилась в душе Эмили. Не то чтобы предстоящее появление на свет малыша огорчало ее — упаси Боже! Просто... ей так нужен свой ребенок, пусть она будет растить и воспитывать его одна, без посторонней помощи. Как будто довольно скромное желание, но почему-то невыполнимое. Все, что есть у других женщин, ей не дается. А Нэнси, неблагодарная, отталкивает от себя обеими руками бесценное сокровище!

Видно, у меня сдают нервы, решила Эмили, ведь это нелепо — завидовать родной сестре! Нэнси, обычно такая сильная и выносливая, нуждается в поддержке и любви, нельзя, чтобы она заподозрила неладное. Поэтому сейчас лучше поскорее ретироваться и вернуться домой.

* * *

В субботу Эмили проснулась рано утром, хотя вполне могла бы понежиться в постели подольше. Всю ночь напролет ее затягивало и кружило в водовороте странных, сумбурных сновидений, и даже в момент пробуждения жуткие образы не исчезли из сознания. Это всего лишь дурной сон, уговаривала себя Эмили. Надо выпить крепкого кофе, привести себя в порядок — на полдень назначена встреча с клиенткой.

Говорят, неотвязная мечта о ребенке некоторых женщин сводит с ума. Зов природы поглощает их жизнь, так что женщина по его милости потеряна для любви, для мужчины.

Посмотри правде в глаза, Эмили. Ты изводишься не столько из-за неотступной потребности

продолжения рода, ты тоскуешь о ребенке, которого потеряла когда-то, хотя прекрасно знаешь, что не смогла бы дать ему законного отца, а потом стала бы сочинять сказки в ответ на расспросы о папочке.

Хуже всего, что в последнее время Эмили часто думала: жить незачем. Неистовая гордость уже не поддерживала ее гаснущее мужество, но и исповедаться кому бы то ни было не хватало духу. Достаточно вспомнить, как повел себя Тони. Он-то хоть держал язык за зубами, а люди наверняка начнут судачить у нее за спиной, сплетни в Колрейне распространяются быстрее ветра. Кроме того, ее откровения запоздали на четырнадцать лет.

Будучи сама на грани срыва, она вынуждена в течение последующих восьми месяцев выслушивать бесконечные жалобы сестры на токсикоз и дурное настроение и причитания по поводу эгоизма мужа, нарочно заставляющего ее страдать. А потом, глядишь, Нэнси и утешится, даже обрадуется, и тогда Эмили станет свидетелем бурного ликования женщины, ставшей в очередной раз матерью.

Эмили чувствовала, что стальной стерженек, запрятанный у нее глубоко внутри, делается все тоньше, и она вот-вот сорвется и натворит глупостей. Еще неделю назад ничто не предвещало краха возведенных ею защитных барьеров. Да, было боязно идти на крестины к Сэмпсонам и тем самым ворошить былое, но ведь раньше она кое-как обуздывала эмоциональные стрессы, подобные визиты не выбивали ее из колеи столь основательно. Тот день ничем не отличался от предыдущих... если не брать в расчет встречу с Тони Богартом.

Он словно послан ей в наказание, чтобы помешать смело и открыто наслаждаться жизнью. Становится страшно, когда один-единственный человек так много в себе воплощает.

Казалось, ненависть, закипавшая в Эмили, равносильна презрению к ней Тони. И так, мы квиты, горько усмехнулась она, да не больно-то его этим проймешь. Восхищенные томные женские взгляды повсюду сопровождают его статную фигуру, стоит поманить — и любая кинется ему на шею. К чему отрицать, природа наделила его притягательной внешностью, у такого импозантного, к тому же состоятельного мужчины должен быть весьма солидный донжуанский список. Странно, что молва умалчивает о его победах. При широком круге знакомств, частная жизнь Тони для городских кумушек покрыта мраком.

По самым авторитетным отзывам, Тони Богарт необычайно обаятелен и располагает к себе людей в считанные минуты независимо от того, приятны они ему или отвратительны. А между тем он холост и не известно, кто его избранница.

Смутные сведения о нем Эмили нечаянно получила от Нэнси.

— Говорят, он безответно влюбился много лет назад, таинственная незнакомка вскружила ему голову раз и навсегда, и страсть до сих пор не утихла.

Влюбился? Что за вздор! Любовь как-то не вяжется с Тони Богартом. Едва ли он подвержен романтическим бредням, а с виду такой непроницаемый, надменный — не подступишься. Да и самомнение, похоже, слишком высокое, без боя в плен прекрасных глаз он не сдастся...

Большую часть дня Эмили провела в компании Люси О'Доннелл, оформляя документы на страховку. После угона машины Люси была расстроена и разочарована во всех и вся. В практике Эмили встречались аналогичные случаи, и по опыту она знала, что надо дать пострадавшему выговориться.

Ей самой не доставало человека, с которым можно поговорить по душам. Ее подруги,

столкнувшись с семейными неурядицами и депрессией, записывались на прием к психоаналитику, и консультация специалиста полностью исчерпывала их внутренний конфликт. Но Эмили была уверена, что это чудодейственное средство для нее неприемлемо: она не представляла, как разложить по полочкам пять недель непрекращающегося кошмара, рассказать о том, при каких обстоятельствах забеременела и потеряла ребенка, как потом к ней нагрянул Тони выяснить, нет ли “последствий”. Эмили тогда сидела на диване, потупившись, обхватив руками колени, сцепив пальцы, а он так и буравил ее взглядом.

— Нет, — не поднимая глаз, солгала Эмили.

“Последствия” же по сей день отравляют ей существование. А Тони охотно принял на веру удобный для всех ответ.

Когда Эмили вышла из больницы, ей хотелось только одного: вытеснить все минувшие горести если не из сердца, то хотя бы из мыслей. Но чувство вины не ослабевало, и Эмили понимала, что виновата вдвойне. Прежде всего перед родителями, они бы, безусловно, простили дочери известное легкомыслие и помогли ей, но из страха поколебать их доверие она ни словом не обмолвилась о своих похождениях. Однако ее вина перед ребенком куда более тяжкая. Малыш неспроста с самого начала повел себя плохо, протестовал, как мог, и отказывался расти и жить. У Эмили то и дело подскакивало давление, усиливалась отечность, и тошнота не прекращалась. Еще не рожденный ребенок все хуже ладил с матерью, пока не случилось непоправимое. Объяснения врача Эмили пропустила мимо ушей, ему-то невдомек, какова скрытая подоплека истории болезни его пациентки. Тот факт, что она чисто физически не готова была породить новую жизнь, не помешал Эмили по-своему истолковать причину происшедшего.

И как только Нэнси отважилась во всеуслышание отвергнуть свое дитя? Не дай Бог ей испытать те же сожаления и угрызения совести, которые терзают ее сестру!

Что за жестокая насмешка: заветная мечта Эмили обернулась для другой женщины досадным недоразумением. Так есть ли повод завидовать, портить отношения, которыми они обе дорожат, и подвергать риску любовь к будущему племяннику или племяннице?..

Уже несколько дней подряд все идет наперекосяк. Вот и теперь сорвался субботний рейд по магазинам: пока Эмили, как могла, ободрила Люси и обсудила с ней план действий, уже было поздно ехать за продуктами. Благо, она не голодна, так что скудные запасы еды можно пополнить и завтра.

Эмили при ее точеной, изящной фигурке не приходилось соблюдать диету, аппетит у нее был отменный и пропадал лишь от волнения, как сейчас. Эмили предприняла попытку взбунтоваться: она не намерена объявлять голодовку из-за господина Богарта, и, если б в холодильнике, кроме приправ и пакета молока, нашлось что-то еще, она, пожалуй, насильно заставила бы себя съесть все до последней крошки.

Со смешанным чувством разочарования и облегчения она захлопнула дверцу: придется ограничиться чашкой кофе и тостами. Эмили перекусила, потом облачилась в старенькие, потрепанные джинсы и просторную хлопчатобумажную блузу, захватила панаму с широкими полями и вышла в сад.

Эмили, вступив во владение коттеджем, разбила на заднем дворе цветники, самостоятельно выложила мощеную дорожку, окаймляющую клумбы, и посередине каждой установила фонтанчик для поливки.

Летом уход за цветами поглощал практически весь досуг Эмили, к немалой досаде Нэнси, настоятельно советовавшей сестре нанять садовника и не портить руки возней в земле.

— Можно подумать, твой патио — центр мироздания. Торчишь, как отшельница, в этой дыре вместо того, чтобы почаще бывать в обществе.

Что и говорить, Нэнси верно подметила: Эмили предпочитала свой сад блеску и суете светских раутов. Ничто не приносило ей такого умиротворения, как запах земли и благоухание цветов. Физический труд залечивает душевные раны.

— Сельский климат не идет тебе на пользу, — не унималась Нэнси. — Ты все такая же бледненькая и глаза печальные, даже когда улыбаешься.

Эмили отшучивалась и ссылалась на хроническую усталость. Если на душе кошки скребут, с чего бы это глазам лучиться от счастья? Прояви старшая сестра чуть больше настойчивости, может, и удалось бы извлечь на свет Божий неведомый недуг, завладевший Эмили, но Нэнси не хватало такта, изобретательности, а прокурорскими методами у Эмили не вырвать признания, как ни бейся.

Нэнси чересчур далеко зашла в своем предубеждении. В здешних местах дивная, благодатная природа. За домом на много миль до горизонта простираются холмы, трава изумрудно-зеленая, сочная — идеальное пастбище, усеянное белыми пушистыми комочками-овцами. Небо, синее за волнистой линией холмов, в предрассветной дымке приобретает серо-голубой оттенок, а на закате окрашивается во все тона от жемчужно-розового до лилового. Иногда ветер доносит сюда далекий шум прибоя из залива Лох-Фойл и нагоняет прохладный влажный воздух. Местные жители изо дня в день обозревают чудесную панораму, но не устают любоваться ею.

Эмили постояла на крыльце, расправила плечи, зажмурилась и вновь распахнула глаза навстречу необъятному простору. Несколько мгновений — и все ее невзгоды покажутся мелкими и ничтожными.

Она вооружилась лейкой и садовыми инструментами и направилась к цветнику, расположенному у самой изгороди. Присев на корточки, Эмили аккуратно, чтобы не повредить растения, одну за другой выдергивала сорные травинки, рыхлила и поливала землю. Спустя некоторое время за забором прошли какие-то люди, и до Эмили долетел тоненький, звонкий детский голосок.

Она вздрогнула и вскочила на ноги, опрокинув лейку и уронив тяпку. Это уже становится болезнью, если так пойдет дальше, она начисто лишится рассудка. Сознавая идиотизм своего поведения, Эмили тем не менее бросилась в укрытие, спряталась за резной перегородкой веранды и замерла, прислушиваясь к гулкому стуку сердца. Она стянула перчатки, приложила ладони к горячим щекам. Неужели у нее мания преследования?

Внезапно скрипнула калитка, и раздался хруст гравия под тяжестью уверенных мужских шагов. Эмили сбежала по лестнице, недоумевая, что за незваный гость к ней пожаловал, и едва не налетела на Тони Богарта.

— Я позвонил в парадную дверь, никто не откликнулся. — Тони счел нужным оправдаться за вторжение. — Но я заметил твою машину и подумал, что ты в саду.

Эмили смотрела на него во все глаза и молчала. Первоначальное напряжение схлынуло, но не слушались ни тело, ни разум.

— Держи, ты забыла это у Сэмпсонов. — Он протянул ей шляпку.

С трудом улавливая смысл произнесенных Тони слов, Эмили молча взяла шляпку и попятилась.

Зачем она ему понадобилась? Не стал бы он искать с ней встречи по такому пустячному поводу.

Ее мозг лихорадочно работал, выдвигая самые невероятные теории, и под конец Эмили охватил безмерный ужас, хуже того — она поняла, что Тони это заметил.

— Я пришел не только из-за шляпки, нам нужно поговорить.

В звучании его низкого, хриповатого голоса Эмили почудились тревожные нотки. Уж не ее ли полубезумный вид нагнал на Тони страху? Невозможно представить, чтобы этот самоуверенный красавец спасовал в присутствии слабой, миниатюрной женщины.

— Сомневаюсь, что у нас найдутся общие темы для разговора, — сквозь зубы процедила она.

Какое хамство — врваться без предупреждения в частные владения среди бела дня! Впрочем, точно так же он непрошеным вторгается в ее сны по ночам.

Тони недовольно сдвинул брови, и сердце Эмили неистово заколотилось. Главное — не подавать виду, как ей не по себе, и побыстрее спровадить наглеца, пускай проваливает.

Эмили с вызовом смерила его придирчивым взглядом: в тренированном теле ни единого изъяна, джинсовые бермуды выставляют на обозрение крепкие мускулистые ноги, ослепительно белая рубашка с открытым воротом выгодно оттеняет ровный бронзовый загар.

Надо отдать мистеру Богарту должное: для мужчины, стоящего на пороге сорокалетия, он отлично сохранился. Регулярные занятия спортом и длительное пребывание на Средиземноморье не проходят даром.

Врачи в один голос предупреждают, что прямое воздействие солнечных лучей вредит здоровью, но Эмили невольно позавидовала Тони. Вот было бы чудесно, если б ее вечно бледная кожа приобрела золотистый оттенок!

Эмили не собиралась утаивать враждебность к этому человеку. Да и к чему притворяться — он тоже с ней не церемонится. Между ними все предельно ясно. Эмили всем своим видом дала ему понять: мол, твой визит, дружок, затянулся. Остается уповать на сообразительность Тони, сейчас он развернется и уберется восвояси.

Но, как видно, холодный прием ему не помеха, шаг по направлению к Эмили означает: с твоей стороны, голубушка, не очень-то вежливо удерживать меня на пороге.

Он приблизился слишком порывисто, и — так уж вышло — кончиками пальцев Эмили задела его руку.

Кожа у Тони была теплая и гладкая, и Эмили в смятении призналась себе, какой потрясающий эффект произвело на нее это прикосновение. Курчавые темные волоски, покрывавшие его руки, оказались совсем не колючими и жесткими на ощупь, как она ожидала. Эмили не шарахнулась в сторону, не отдернула пальцы, поглощенная неизведанным ранее ощущением.

Тони отвел руку, причем довольно резко, и Эмили вспыхнула от стыда за свое дурацкое поведение. Она первая должна была отодвинуться, а не льнуть к нему, чуть ли не ласкаясь, словно жаждала до него дотронуться. Ведь именно так Тони истолкует ее поведение. В его глазах она нисколько не изменилась и с прежним пылом продолжает вылавливать мужчин, не гнушаясь любым более или менее сносным экземпляром.

— Гарри возвращается в Ирландию. — Эмили настолько погрузилась в пучину своего позора, что до нее не сразу дошел смысл этой короткой фразы. Она вскинула на Тони бездонные васильковые глаза в надежде, что тот вздумал поглумиться над ней. Но нет, никакого подвоха. Такими вещами не шутят.

— Не может быть... Зачем? — пролепетала Эмили так тихо, что Тони скорее прочитал по ее губам, чем расслышал невнятный шепот.

Он равнодушно наблюдал за ее смятением, всем своим видом демонстрируя, что лишь крайние обстоятельства вынуждают его находиться в обществе презираемой им женщины.

— Гарри женат, — отчеканил Тони. — Он приезжает по делам и заодно хочет устроить себе импровизированные каникулы.

Жена и дети будут его сопровождать, Долли мечтает увидеть родину мужа.

Дети... У Гарри есть дети... На мгновение Эмили показалось, что она вот-вот рухнет как подкошенная — слишком жестокий удар наносит ей судьба. Колоссальным усилием воли подавила она подступившие к горлу рыдания. Но и Тони изменился в лице: напускного равнодушия как не бывало.

— Я знал это, черт подери! — Его глаза сверкали, он сжал кулаки так, что костяшки пальцев побелели. — Ты по-прежнему хочешь и любишь моего брата!

Прилив дикой злобы затопил снедавший Эмили на протяжении долгих четырнадцати лет страх перед этим человеком. На Тони напала безрассудная слепота, а расплачивалась за чужую ошибку она, Эмили Ормонд. Но той несмышленной девочки больше нет, перед ним не заблудшая овечка, а взрослая женщина. Настала пора поменяться ролями. Хватит отмалчиваться, теперь ее черед диктовать условия.

Она сию же секунду развенчает миф о добропорядочном, якобы безвинно пострадавшем кузене Гарри, и пусть Тони только попробует усомниться в ее правоте!

— Люблю?! Да я вспоминаю этого подонка с ужасом и отвращением, я его презираю и ненавижу, всегда ненавидела!

Эмили дрожала всем телом. Внутренний голос настойчиво нашептывал ей: будь сдержанней, сейчас не подходящий момент закатывать истерику, но напрасно. Забылись данные себе зарок, страсти, что дремали в Эмили, заглушаемые, подавляемые многолетними нечеловеческими усилиями, только и ждали малого толчка и вот — прорвались наружу.

Несправедливость брошенного ей упрека привела Эмили в исступление, она сама поразилась — что это на нее нашло? Так легко поступиться своими принципами! Но она обязана расквитаться с тем, кто ее унизил, и опровергнуть возмутительную клевету.

— Как могу я любить Гарри после всего, что он сделал? Воспользовался мной для удовлетворения своей похоти и выкинул, точно грязную тряпку. И ты тоже хорош, поверил

наветам негодного мальчишки! Вы оба исковеркали мне жизнь, но даже не в состоянии это понять. Самовлюбленные, бессердечные ничтожества — вот вы кто! Меня тошнит только от одной фамилии Богарт!

Ее крик оборвался на самой высокой ноте, и неудержимые, обжигающие слезы хлынули потоком. словно в тумане маячило перед ней суровое лицо Тони. Кажется, внезапная вспышка негодования потрясла его сильнее, чем можно было предположить.

— Гарри... воспользовался тобой?.. — отрывисто спросил он.

У Эмили перехватило дыхание, точно ее наотмашь хлестнули по щеке. Он не поверил! Даже сейчас, даже в эту минуту!

Эмили подняла на него оскорбленный, полный гнева взгляд, и Тони изумился: эти чудные глаза не потускнели от слез, наоборот, блестят еще ярче. Он смотрел на Эмили, пытаясь постичь внезапно произошедшую в ней перемену.

— Не хочешь ли ты сказать, что Гарри тебя изнасиловал? — хмуро осведомился Тони. — Потому что если это правда...

У Эмили подкашивались ноги. Чтобы не упасть, она уцепилась за деревянный столб, подпирающий навес веранды. Тони разглядывает ее в упор, совсем как той страшной ночью четырнадцать лет назад. Давнишняя история повторяется, не так ли? Он явился сюда вершить суд, предъявлять ультиматумы, угрожать. Не хватает лишь третьего персонажа пьесы, но это поправимо, Гарри уже в пути.

Эмили сделала глубокий вздох, собирая остатки мужества перед решающей схваткой.

— Если это правда, тогда что? — с горечью выпалила она. — Ты посадишь Гарри на скамью подсудимых и дашь свидетельские показания в мою пользу? — Она немного заикалась от волнения, но изо всех сил старалась придать голосу твердость. — Допустим, Гарри не нанес мне телесных повреждений... Ведь с твоей точки зрения, это обязательные атрибуты изнасилования...

— Ты была пьяна до бесчувствия, насколько мне помнится, — сквозь зубы процедил Тони.

Он побелел, в глазах его бушевал огонь. Ага, значит, ты не сумел до конца подавить в себе способность сочувствовать, злорадно подумала Эмили. Ты, как и я, загоняешь сострадание в дальний угол сознания, точно побитого пса.

Эмили несколько воспрянула духом — по-видимому, ее противник не так уж неуязвим. Теперь ясно: они на равных, и пусть себе устрашающе вращает глазами, его здесь никто не боится. Она расправила плечи, гордо вскинула голову и с вызовом ответила:

— Да! Иначе и быть не могло, ведь в вино подмешали какую-то гадость. С определенными намерениями, разумеется. Мои так называемые друзья, предводительствуемые твоим любезным кузенком. — На ее губах появилась страдальческая улыбка. — Он, видите ли, решил, что самое время обучить меня сексуальным играм. Так что вы правы, Ваша честь, я была пьяна и почти полностью отключилась... Но кое-что я все же соображала.

Она поежилась под его пристальным взглядом, но глаз не отвела.

— Значит, они как следует позаботились, чтобы ты не смогла оказать сопротивление? — Тони

на мгновение призадумался. — Если Гарри, как ты утверждаешь, насильно овладел тобой, какого дьявола ты так долго молчала и не обратилась за помощью?

— К кому? — Ее глаза недобро блеснули, лицо исказила гримаса. — Ты преподавал мне ценный урок, таково же было бы и отношение ко мне даже со стороны самых близких людей. Все, о чем я мечтала, — поскорее забыть, вычеркнуть этот эпизод из памяти. Ты пришел предупредить меня держаться подальше от Гарри, верно? Так вот, тебе совершенно не о чем беспокоиться. Я бы многое отдала, лишь бы никогда больше не видеть его.

Эмили услышала тяжкий, сдавленный вздох, а может, ей померещилось? Она почувствовала себя опустошенной, весь ее запал иссяк, словно потух извергавшийся в ней вулкан. Гроза миновала. Она уселась в кресло-качалку и принялась раскачиваться, уставившись в одну точку. И с чего она так разбушевалась?

Что толку откровенничать с Тони Богартом — как об стенку горох. В сущности Эмили ровным счетом ничего не достигла, Тони остался при своем мнении, разве что слегка озадачен. Но, нравится ему это или нет, а правду он услышал. И впервые за многие годы у Эмили стало по-настоящему легко на душе.

— Если ты сказала правду...

Если! Ее глаза опять ненавидяще вспыхнули. Она медленно привстала с кресла.

— Если?! Ты же был там, сам все видел! Впрочем, на твоём месте я бы тоже поостереглась и не поверила лживой маленькой дряни, соблаздившей невинного пай-мальчика Гарри Богарта.

— Перестань, Эмили, не говори так! Прошу тебя, не надо!

Мольба в его голосе потрясла Эмили.

— Это уже не имеет значения, — сухо сказала она. — Дело прошлое...

— И такое давнее, что ты, конечно, позабыла о нём?

Эмили притворилась, что не замечает сарказма, и ровным тоном ответила:

— Правильно. Как бы тебе подходчивее объяснить: я наконец-то отмылась от этой грязи, начала новую жизнь. Поиграли — и хватит. Вы с Гарри для меня больше не существуете.

5

— Как не пойдешь? Это еще что за фокусы? Не забывай, Ховарды — старинные друзья наших родителей, — назидательно сказала Нэнси.

Эмили мысленно сосчитала до десяти — только бы не брякнуть лишнего. Беременность Нэнси, словно кара Господня, обрушилась на головы домочадцев: будущая мамаша помыкала супругом, детьми и сестрой как ей вздумается, ни шагу не давая ступить без доклада. Лишь бесконечное терпение и изворотливость помогали Эмили скрывать, как все в ней бунтует против подобных диктаторских замашек. Втайне она подозревала, что вошла во вкус после визита Тони — словно в калейдоскопе, в ее уме, сменяя друг друга, стали складываться новые представления о жизни. Эмили сделала открытие — гораздо легче выложить накопившее, чем осторожничать сверх меры и затыкать себе рот.

Но остался и горький привкус от беседы с Тони: Эмили постоянно озиралась по сторонам, вне себя от страха, что за ближайшим поворотом ее подкарауливает Гарри.

И дернул же ее какой-то озорной чертик проболтаться о Гарри. Чего, собственно, она надеялась добиться? Чтобы Тони рассыпался перед ней в извинениях? Покаялся, повинился, на коленях вымаливал прощение? Наивная дуреха! С родными секретничала, а ему выложила всю подноготную.

— Эмили! Я к тебе обращаюсь!

Она виновато посмотрела на Нэнси, возмущенную ее рассеянностью и невнимательностью.

— Ты пойдешь на вечеринку к Ховардам, потому что мы уезжаем на выходные к родителям Ричарда.

— Нэнси, пожалуйста...

— Отговорки не принимаются, — безапелляционно отрезала старшая сестра. — Или у тебя назначено романтическое свидание, и ты собираешься тайком удрать на пару дней со своим принцем на край света и свить любовное гнездышко?

Эмили возвела глаза к потолку, но смолчала, поскольку считала неприличным препираться с агрессивно настроенной беременной женщиной. Можно было бы сослаться на срочную работу: в офисе на письменном столе действительно поджидает своей очереди кипа документов.

От Уильяма Бэдфорда по-прежнему ни слуху ни духу, а самой названивать неудобно: чего доброго, ее сочтут навязчивой. Эмили в отличие от некоторых своих пронырливых коллег не охотилась на людей, попавших в беду, клиенты сами ее разыскивали.

Как на грех, за текущий месяц было совершено множество ограблений и угонов автомобилей, налетчики совсем распоясались и буквально осадили город. А в итоге шишки посыпались и на Эмили: шквал телефонных звонков, непомерные запросы и претензии.

Развернулась трудоемкая и не слишком прибыльная кампания, но непрерывный труд — наиболее прочная преграда, какую способна воздвигнуть Эмили, чтобы не давать себе времени на тоскливые и бесполезные размышления.

Увы, ей катастрофически не хватает умения спокойно сесть и подумать: что же она такое, чего ей надо от жизни? Потому-то мысли обычно возникают вне всякой последовательности, обрываются и путаются.

Вот, к примеру, теперь ею еще пуще овладело беспокойство. Она раскрыла карты перед Тони, а он заподозрил ее в мошенничестве. Не в этом ли загвоздка?

Как глупо тешиться самообманом, рассчитывать на великодушие Тони Богарта не приходится, редкий судья рискнет опротестовать несправедливо вынесенный вердикт и организует повторное следствие.

Если уж на то пошло, на что ей симпатия и поддержка постороннего человека? Тони для нее перевернутая страница, таков смысл заключительного этапа их последнего разговора. Как ни крути, а пора взяться за ум. Завтра же она с утроенным рвением с головой окунется в работу.

* * *

Джессика Ховард, возбужденно жестикулируя, пересказывала приятельнице очередную серию семейной драмы.

— И тогда я говорю мужу: “Значит, так, милый, если не вразумишь свою сестрицу, я сама укажу ей на дверь, чтоб не задирала нос”. Эта вздорная старушенция поучает меня, как воспитывать внуков! Хоть бы за своими сорванцами углядела... Эми, девочка моя, ты обворожительна! — Морщинки на переносице Джессики разгладились, она расплылась в широчайшей улыбке и заключила Эмили в объятия. — Погода превосходная, не правда ли? К сожалению, Герберту от этого только головная боль: он так носится со своим газоном, будто тот усыпан алмазами, — вдруг истопчут?

Ховарды устраивают у себя вечера несколько раз в год, иногда без всякого повода, а сегодня отмечали именины Джессики. Здесь парило безудержное веселье, на открытом воздухе устроили что-то вроде шведского стала, в бамбуковой беседке в глубине сада — импровизированный бар.

Чета Ховардов была очень дружна с мистером и миссис Ормонд, особенно благоволила к их младшей дочери, и Эмили, в свою очередь, платила им искренней привязанностью. Но в этот вечер полгорода в списке приглашенным, то есть среди гостей могут быть Богарты. Нет, вряд ли, судьба не может быть так жестока!

Эмили последовала за хозяйкой, щебетавшей, словно соловей на ветке, и остановилась осмотреться посреди залитого солнцем сада. Первое, что Эмили различила в нестройном хоре голосов, был детский голос, принадлежащий... Нет, новозеландский акцент нельзя спутать ни с каким другим.

Только без паники. Эмили начала протискиваться сквозь толпу поближе к Герберту Ховарду. Его со всех сторон осаждали мужчины, попыхивавшие гаванскими сигарами, отчего Эмили громко закашлялась. Улучив момент, когда очередная политическая тема иссякла и поутихла оживленная дискуссия, она поздоровалась и перевела разговор на розы — предмет особой гордости господина Ховарда. Герберт оседлал любимого конька и, не замечая полуобморочного состояния собеседницы, принялся подробно расписывать достоинства цветов, указывая на ту или иную клумбу.

— Да что ж это я! — спохватился Герберт. — Совсем позабыл: Джессика назначила меня главным барменом. Идем, Эми, угощу тебя коктейлем, а не то мне грозит порядочная взбучка,

Прежде чем Эмили успела увернуться, он дружески обнял ее за плечи и повел к беседке. Не надо, мне нельзя пить! — хотелось крикнуть ей, но поздно... поздно стало уже в тот момент, когда Нэнси заставила ее пойти на прием.

Вдоль стойки бара выстроилась очередь, но Герберт на правах хозяина пропустил вперед Эмили.

Мистер Ховард сменил на посту одного из внуков — застенчивого семнадцатилетнего юношу. Тот сконфузился и покраснел до корней волос от сердечного приветствия Эмили и бросил на нее полный обожания взгляд.

— Мой шалопай прямо-таки сохнет по тебе, — добродушно ухмыльнулся Герберт, когда внук скрылся из виду. — Бедный Ромео! И, говоря по совести, я его не виню... Эх, будь я лет на тридцать моложе!..

Эмили натянута улыбнулась, произнесла ответную шутливую реплику. Категорически

отказавшись от алкоголя, она попросила прохладительный лимонный напиток.

Герберт опустил в узкий граненый стакан кубики льда и трубочку с загнутым концом, украшенную ярко-желтым бумажным зонтиком, отжал сок. Пока проделывалась вся эта процедура, Эмили чувствовала покалывание в затылке, будто кто-то неотрывно глядел ей в спину, и ее как магнитом потянуло обернуться.

На нее в упор смотрел Гарри Богарт. Эмили сразу узнала его, хотя за четырнадцать лет он, не в пример своему кузену, сильно изменился.

В колледже девушки шлейфом вились за ним и кокетничали напропалую, мечтая заполучить такого видного парня, однако Эмили все в наружности Гарри казалось отталкивающим: массивная коренастая фигура, вьющиеся мелким бесом русые волосы, мясистые губы. На ее вкус, уж слишком вульгарными и развязными были его манеры. Нет у него ни душевной тонкости, ни чуткости — идет по жизни как танк. А об отношении к подружкам и говорить не приходится, что вполне объяснимо, ведь они все легкодоступные. Оттого-то Гарри и избрал мишенью Эмили, понял, что она ему не чета.

С годами Гарри не стал благообразнее, зато обзавелся брюшком. Под нещадно палящим солнцем веснушчатая кожа приобрела красноватый оттенок, волосы выгорели и на макушке поредели. Мало того, он обрюзг, раздобрел и, судя по всему, давно не занимается спортом и страдает одышкой.

В пухлой руке Гарри держал банку пива и, когда Эмили оглянулась, многозначительно подмигнул и приподнял банку: дескать, твое здоровье, крошка. Стоявшая рядом с ним брюнетка, видимо, жена с тревогой проследила, куда устремлен его взгляд. А те два упитанных мальчика, должно быть, их сыновья, предположила Эмили. Тони тоже пришел, наверное, в качестве телохранителя.

Надо пробираться к выходу, ни минуты она здесь не задержится. Эмили трясущимися пальцами нащупала поверхность стойки и поставила стакан, не сделав ни глотка.

— Эми, ты в порядке? — Герберт обеспокоенно всматривался в ее испуганное лицо.

— Да-да... Не волнуйтесь... Я... мне нужно позвонить одному человеку... по делу.

Я заикаюсь и несую околесицу, переполошилась Эмили, и ей почудилось, что Ховард догадывается обо всем, уж больно неуклюже она оправдывается.

— Если по делу, позвони из моего кабинета. Это на втором этаже.

Эмили благодарно кивнула и поспешила в укрытие. Вот бы исхитриться и улизнуть отсюда, воспользовавшись всеобщей сутолокой. Надо надеяться, никому не взбрдет в голову заговаривать с нею прямо сейчас. Вечером можно по телефону извиниться перед Джессикой.

Спотыкаясь и едва удерживаясь от искушения скинуть туфли на высоченных каблуках и помчаться что есть духу, Эмили пробралась в лом. Прикрыв глаза, она прислонилась к стене в прохладной полутемной прихожей, чтобы немного отдышаться.

Смех и голоса остались за шумонепроницаемыми дверями. Теперь ей ничто не угрожает. Хорошо, что она опоздала, и ее “бентли” припаркован последним в длинной веренице машин, иначе домой она побрела бы пешком.

Эмили наблюдала, как в толпе гостей снуют официанты, предлагая десерт. Заиграл квартет, специально приглашенный по случаю торжества; на газоне, с помощью деревянного настила оборудованном под танцевальную площадку, появились первые парочки.

Вздрагивая от каждого шороха, Эмили на цыпочках прошла по пустынным коридорам в гостиную. Еще две смежные комнаты, и она попадет в холл, а оттуда на улицу. Удобнее и ближе было бы пройти через сад к калитке, но есть риск наткнуться на кого-нибудь.

Сердце у Эмили заходило от страха, то прекращало биться, то рвалось из груди. Пытаясь дышать ровнее и сдерживая шаг, она взялась за ручку и тут услышала, как распахнулась дверь позади нее. Вместо того чтобы бежать, она застыла, как зверек под леденящим взглядом змеи.

— Эмили... Ты же не уйдешь, не поздоровавшись со мной?

Гарри. Не иначе как шпионил, трудно поверить, что эта встреча — случайное совпадение.

Он похотливо хихикнул. Эмили всегда ненавидела его смех... Так он смеялся и в ту роковую ночь.

— Дай-ка на тебя полюбоваться. Будь пайнкой, подойди ко мне. — Он одобрительно прищелкнул языком. — А ты стала настоящей красоткой, как раз в моем вкусе. Я знал, из тебя выйдет толк.

Нализался как свинья, с отвращением подумала Эмили. Гарри вразвалку подошел к ней нетвердой походкой, и она брезгливо поморщилась от исходившего от него кисловатого запаха пота. Эмили хотела развернуться и удрать, но боялась, что, отведя глаза, нарушит визуальный контакт, удерживавший Гарри от решительных действий.

Парализованная страхом, она не могла ни двинуться с места, ни закричать и видела, что Гарри уже невменяем и вот-вот набросится на нее. Он осклабился, масляные глазки плотно шарили по ее телу, устраняя единственную преграду — облегающее вечернее платье из черного бархата.

— Малышка Эми... И какого черта предкам понадобилась Новая Зеландия? Мы бы с тобой недурно провели времечко, верно?

Эмили отшатнулась, глядя, как к ней склоняется ненавистное лицо.

Беги, беги! — внушала себе Эмили, но Гарри уже подошел к ней вплотную, и, если она шарахнется в сторону, он все равно ее поймает. Он протянул руки, чтобы обнять ее, те самые руки, которые срывали с нее одежду, впивались в ее тело, вцеплялись в волосы...

Эмили осознала, что все эмоции: ужас, омерзение, презрение — отражаются у нее на лице... Она затравленно, не двигаясь, смотрела на своего истязателя.

— Ты не носишь обручального кольца... Правильно. Женитьба — сплошное идиотство, я тебе доложу. Вообрази, каково мне живется с вечно брюзжащей женой и двумя сопляками. А с тобой мы могли бы славно порезвиться, лапочка.

Порезвиться?.. Эмили почувствовала, что ей не спастись. Ее бросало то в жар, то в холод, кровь стучала в висках. Как же Гарри не замечает, до чего он ей противен?

— Эмили, дорогая... Вот ты где!

Тони стремительно подошел к ней размашистым шагом, привлек к себе, по-свойски чмокнул в щеку... Давно ли он здесь, как долго следил за ними?

В иной обстановке Эмили позабавилась бы той готовностью, с какой Гарри уступил кузену дорогу. Поначалу он, правда, выпучил глаза и разинул рот, но затем отошел на почтительное расстояние.

— Я совсем запарился, решил вот посидеть в тенечке, — заискивающе промямлил он. — Если бы я знал, что вы с Эмили теперь вместе...

— Долли зовет тебя, — сухо прервал Тони эту тираду. — Кажется, Эдди плохо переносит перемену климата, у него температура. Возвращайтесь-ка в отель.

Гарри пробурчал какое-то замысловатое ругательство, но послушно поплелся к выходу.

Эмили повисла на руке Тони всем весом и еще вцепилась в рукав. Ее трясло как в лихорадке, наверняка Тони это почувствовал, но чем больше Эмили старалась расслабить напряженные мышцы, тем чаще пульсировал мелкий озноб в каждой клеточке ее тела.

Немного успокоившись, Эмили начала соображать, чем мотивирован поступок Тони. Даже Гарри с его замедленным процессом мышления мог бы раскусить этот блеф. Тони застукал на месте преступления двух влюбленных голубков и конечно же подумал, что Эмили решила тряхнуть стариной и заманила в укромный уголок своего бывшего дружка. Присутствие близости жены и детей лишь придавало свиданию дополнительную остроту.

Эмили решила оттолкнуть поддерживавшую ее руку и разорвать лживые путы, но внезапно растворилась дверь смежной комнаты, и на пороге возникла запыхавшаяся Джессика: она только что побывала на кухне, где дала подробнейшие инструкции повару и официантам.

Предположив, что гости уединились с вполне определенной целью, хозяйка дома запунцовела от смущения и не сразу нашлась, что сказать.

— Эмили... Мистер Богарт...

— Мы как раз собирались откланяться, миссис Ховард, — невозмутимо заявил Тони. — Эмили неважно себя чувствует... Я о ней позабочусь.

Джессика уже пришла в себя, смесь изумления и любопытства замелькала в ее глазах. Эмили обреченно понурилась: у именинницы доброе сердце, но она страсть как любит почесать язычок. Теперь пойдут по всей округе пересуды, приправленные пикантными подробностями, а то и объявление о помолвке в местной газете напечатают.

Протестующий возглас застрял у Эмили в горле, ее ладошка совсем затерялась в большой горячей ладони новоиспеченного "возлюбленного". Внутренне закипая от негодования, она подчинилась, когда Тони подтолкнул ее к двери.

Получается, он волей-неволей оказал Эмили неоценимую услугу, и она малодушно воспользовалась покровительством благородного рыцаря. Как ни тяжело это признавать, он оказался на высоте, а вот ей вовек не взять над ним верх.

— Пусти сейчас же, — свирепо вращая глазами, потребовала Эмили. — Не обязательно вести меня под конвоем, ты бы мне еще наручники надел. Уж не знаю, что ты там нафантазировал, но у меня полно знакомых, с которыми я редко общаюсь, а есть такие, с которыми я хотела бы

общаться как можно реже. Имя твоего кузена первое в черном списке, и если ты думаешь, что я...

— Я видел то, что ожидал увидеть, — вкрадчиво сообщил Тони.

— Да как ты смеешь! — задохнулась Эмили, словно ее полоснули лезвием бритвы. — Почему ты так ненавидишь меня, Тони, что я тебе сделала?

— Не торопись с выводами, девочка, — туманно изрек он.

Эмили подозрительно покосилась на Тони: слишком мудреные у вас загадки, сэр, говорите без обиняков или вообще заткнитесь.

Угадав ее мысли, он пояснил:

— Я видел твое лицо, Эмили, и как ты смотрела на Гарри... Даже самой талантливой актрисе не удалось бы столь точно передать мимикой свои чувства.

Она резко вскинула голову. Неужели ей хоть кто-то поверил?.. Тони связан с Гарри кровными узами, но, стало быть, не склонен потворствовать подонку лишь из братской солидарности... Эмили вдруг почувствовала слабость в ногах и слегка покачнулась. Тони среагировал мгновенно и обеими руками придержал ее за талию.

— Ты вознамерилась хлопнуться в обморок? Хочешь, чтобы я сделал тебе искусственное дыхание? Ради Бога... но только не здесь, — взмолился он.

Искусственное дыхание?.. Ну нет, до этого не дойдет! Эмили воинственно вздернула хорошенький носик и холодно сказала:

— Я не упаду в обморок, не надейся. Я сильная.

— Чертовски рад это слышать, — с наигранным облегчением усмехнулся Тони. — Но раз уж зашла речь о твоей беспрецедентной выносливости... Ты можешь передвигаться самостоятельно?

— Твое участие весьма трогательно, однако я не нуждаюсь в нянечке, — процедила Эмили. — Моя машина припаркована в пятидесяти ярдах отсюда.

— А моя — прямо перед тобой. — Эмили замотала головой.

— Нет. Это исключено.

— Я не разрешу тебе сесть за руль в таком состоянии. Автокатастроф в Колрейне и так предостаточно.

— Не преувеличивай, я в здравом рассудке и в прекрасной физической форме.

Тони не стал продолжать препирательства и схватил Эмили за запястье. Посчитав пульс, он насмешливо протянул:

— Разве? Тогда что с тобой? Лихорадка? Если нет, чем объясняются сто ударов в минуту и эта интригующая дрожь?

— Я вовсе не дрожу, — запальчиво возразила Эмили.

Что там лихорадка — этот тип доведет ее до белой горячки! С ним она как на иголках.

— Тебе все равно придется сдать свои позиции, милочка, — предупредил Тони. — Одна ты домой не поедешь, а будешь упрямитесь, отнесу тебя в машину на руках... Кстати, Джессика наблюдает за нами из окна, — пресерьезно добавил он.

Эмили не удержалась и мельком взглянула на окна, но ни в одном не обнаружила любопытных глаз. Ах так! Он нарочно приврал, лишь бы настоять на своем.

— Признавайся, для чего ты это сделал?

— Что именно?

Подумать только — сама святая невинность!

* * *

— Зачем ты наболтал Джессике, что мы уходим вместе? Она ведь подумала, что у нас...

— Роман? — мягко подсказал Тони. Bravo, какая поразительная догадливость!

Эмили раздраженно передернула плечами. Спорить с ним до хрипоты и выяснять отношения — только растрчивать вхолостую оставшийся небольшой запас энергии. Но рано или поздно, а она потребует у него отчета за эту сумасбродную тактику: разыграл спектакль веред самыми что ни на есть ненадежными зрителями, а расхлебывать всю эту кашу, без Сомнения, предоставит ей, Эмили. Ну и попала же она в переплет!

— Не упрямясь, Эми, полезай в машину, — вкрадчиво произнес Тони.

Соппротивление сломлено. Сейчас она сделает несколько шагов, сядет в его “ягуар” и тем самым окончательно капитулирует. И вдруг случилось непредвиденное — Тони обнял ее, бережно, почти ласково, как будто чувствовал, насколько она утомлена и измучена.

И снова ей не удалось его оттолкнуть. Эмили моментально соотнесла свое хрупкое сложение с мощью Тони, и сравнение вышло не в ее пользу. Ведь сдаться на милость победителя не так позорно, если силы неравные?

Одного только Эмили не могла уяснить: она люто ненавидит этого мужчину, тогда почему ей уютно и покойно в его объятиях и от исходящего от него тепла кругами ширится волнение во всем теле? Едва подумав так, она запрокинула голову, чтобы почетче рассмотреть его лицо, словно таким образом надеялась получить ответ.

— К нам приближаются Гарри и Долли, — предупредил Тони, — Мой братец становится на удивление покладистым.

Его дыхание овеяло раскаленную кожу Эмили. Он улыбнулся, улыбались и губы его, и глаза, и какое-то неведомое ощущение волной накатило на нее, пугливая дрожь прошла вдоль позвоночника, где-то глубоко внутри вспыхнула искорка, оставив после себя странную пустоту.

— Эмили...

Тембр голоса Тони заморозил, загнипотизировал ее. Никто никогда не произносил ее имени с подобной интонацией. Она утонула в его сияющих карих глазах, а на дне увидела такое... и с недоумением спросила себя, откуда эта перемена?

Тони склонялся к ней все ближе, ближе, взял ее лицо в свои ладони, большими пальцами осторожно отвел назад пряди шелковистых волос.

Да что же он делает? Умом она отчаянно хотела вырваться, но всем своим существом встрепенулась, откликнулась, жаждала продолжения ласки.

Одной рукой Тони обхватил ее за талию, другая легла на плечи, накрепко сковывая ее тело. Эмили не могла даже пошевелиться, и тогда нежные губы разомкнулись, чтобы заставить его прекратить все это.

— Эми...

Она не расслышала, скорее ощутила звучание своего имени, слившееся с прикосновением его губ. Эмили обмерла — беспомощная, потрясенная. Ей не устоять перед этим бешеным натиском. Она вскинула было руки, уперлась Тони в грудь, но тут же скользнула выше, обвила его шею, запустила пальцы в буйные, густые волосы на затылке.

Сначала его поцелуй был жадным, ненасытным, но постепенно алчность уступила нежности, сладкой истоме. Тони словно отыскал потайную пружинку, и Эмили раскрылась ему навстречу, как шкатулка с секретом. Ее упоительные, отзывчивые губы... Да это чудо! Ах, если бы продлить наслаждение, не дать этой удивительной женщине ускользнуть!

Она таяла как воск в его объятиях, податливая, покоренная. На краткий миг Тони оторвался от ее рта, кончиком языка нежно провел по тоненькой линии, разделяющей губы.

Эмили будто сквозь туман смотрела на него. Смятенные чувства прояснились, в синих глазах замерцали гневные сапфировые огоньки. Бунтарский дух вновь прорвался наружу. Подавлено ее тело, но не душа. То, что она ощутила — чисто физиологическая реакция.

Тони испытующе смотрел в ее лицо из-под полуопущенных длинных ресниц: заглянул в глаза, перевел взор на припухшие губы. Он без слов понял, что Эмили очнулась от забытья и отгораживается от него, а она прочла в его взгляде полное понимание испытываемых ею в это мгновение чувств. Ей показалось, если он выскажет вслух свои соображения, получится приблизительно следующее: можешь сколько угодно разыгрывать ледяное безразличие, теперь-то мне известно, на что ты способна, моя маленькая недотрога.

Он снова притянул ее к себе, наклонил голову, и опять на Эмили накатило пугающее возбуждение.

— Нет, нет! — панически забилась она, но вместо истошного крика с ее уст слетел жалобный шепот...

— Вы все-таки решили остаться? Мы уже уезжаем, Гарри.

Гарри! Господи, что она здесь делает? Ей давно пора быть дома или, по меньшей мере, вдали от этих людей.

Эмили инстинктивно придвинулась к Тони, осмыслив свой порыв, лишь когда он покровительственно обнял ее, как бы утверждая, что она принадлежит ему. Эмили ощутила, как совсем рядом бьется его сердце, и ей передалась спокойная уверенность и сила Тони Богарта.

Да, она явно не в своем уме: ждет подмоги от заклятого врага, спряталась, как цыпленок под

крыло наседки.

— Гарри, мальчики устали и голодны, — робко подала голос Долли, подобострастно глядя на мужа.

Ради Бога, перестань, наконец, зудеть! — сердито огрызнулся тот.

Бедняжка! Эмили всей душой пожалела совершенно незнакомую женщину, соединившую свою судьбу с этим извергом. Он не проявляет к ней ни капли уважения!

Нетрудно представить, каково ей сейчас: человек, который поклялся любить и заботиться о ней, унижает ее при посторонних и при детях!

Тони убрал руку, и, лишившись опоры, Эмили испуганно, умоляюще посмотрела на него. Куда он уходит? Свинство бросать ее, когда рядом Гарри.

А Тони с галантным поклоном открыл перед Эмили дверцу “ягуара”. Ступая на ватных ногах, она подошла к машине и рухнула на сиденье. Ее щеки зарделись, когда Эмили случайно поймала нахальный, раздевающий взгляд Гарри и заметила многозначительную пошлую ухмылку на его губах.

— Я вижу, ты не прогадал, приятель, — обратился Гарри к двоюродному брату. — Но будь осторожен: только позволь какой-нибудь цыпочке заарканить себя, и она высосет из тебя все соки.

“Заарканив” гнуснейшего из негодяев, Долли наверняка превратилась в сплошной комок нервов за годы совместной жизни. Как ни прискорбно, но, судя по поведению, она все еще влюблена в мужа, и ее больно ранят его откровенное равнодушие и хамство.

А сыновья... Чему они научатся у отца?

Безобразному отношению к матери, к женщине? У них перед глазами образец для подражания. Сейчас их еще коробит поведение папы, но совсем скоро они начнут перенимать его манеры.

— Бедная женщина! — с состраданием пробормотала Эмили, позабыв, что она не одна в салоне автомобиля.

— Да, — со вздохом согласился Тони, пристегивая ремень безопасности. — Гарри обращается с Долли просто отвратительно, а она панически боится его потерять. Отчасти по этой причине она ухватилась за идею поехать в Ирландию — рассчитывала провести семейную терапию, второй медовый месяц. В Новой Зеландии Гарри предпочитает проводить досуг вне дома, регулярно навещает пивную и норовит приволокнуться за каждой юбкой.

Эмили украдкой озадаченно посмотрела на Тони, пораженная нескрываемым осуждением, с которым он говорил о кузене. Она всегда считала, что между братьями Богарт не может быть и не существует сколько-нибудь существенных разногласий. Вполне естественно, что у них совпадают взгляды на жизнь, в том числе на секс. Если выбирать из них двоих, Эмили с большей неприязнью относилась к Тони, поскольку именно его презрительное отношение нанесло ей незаживающую душевную травму.

Нынешний вечер преподнес немало сюрпризов, и то, как Тони раскритиковал своего безалаберного кузена, пожалуй, самый главный из них.

— Во всем, что касается ее супруга, Долли очень ранима и чувствительна, и неприкрытый интерес Гарри к тебе не облегчает ей и без того несладкую участь.

— Какой там интерес?.. Нет, Долли не могла увидеть во мне угрозу.

— Еще как могла. Гарри отправился за тобой в дом, а его жена отнюдь не слепая, — мрачно изрек Тони. — От ревности поневоле станешь бдительным и прозорливым. Если бы я не подоспел вовремя...

Так вот почему он принял на себя роль ее любовника! Весь этот фарс с объятиями и поцелуями предпринят не для того, чтобы оградить ее от посягательств Гарри, а с единственной целью пощадить чувства Долли. Пускай бы Гарри обижал и оскорблял Эмили — невелика важность! — но только не свою жену.

Удар пришелся прямо в сердце. Эмили отвернулась к окошку, сжала кулаки, до боли вонзив ногти в ладони, чтобы заглушить боль. Машина мчится слишком быстро, а то выпрыгнуть бы на ходу...

Но что это? За окном — незнакомый пейзаж, престижный фешенебельный район, роскошные особняки. Ее коттедж в противоположной стороне.

— Куда ты меня везешь? Эта дорога ведет не к моему дому, ты перепутал указатели.

— Вовсе нет, — невозмутимо сказал Тони и, немного погодя, добавил: — Мы едем ко мне. Нам есть о чем побеседовать.

Жулик! Заманил ее в ловушку. Любопытно, что за фортель он выкинет на этот раз?

— Вот как? — с еле сдерживаемым бешенством осведомилась Эмили. — И о чем же?

— О прошлом... И о будущем.

6

О прошлом!.. Что за игру он затевает? Припереть ее к стенке, убедить отречься от своих обвинений, порочащих Гарри и бросающих тень на честь семьи Богарт? Или хочет припугнуть как следует, чтоб и впредь помалкивала?

До чего свирепый вид! Ну как же — задета его гордость, божество потеснили с Олимпа! Нелегко ему, бедняге, переварить правду. Заставив Эмили пойти на попятный, он удовлетворит попанное тщеславие.

Допустим, всякая привлекательная женщина действительно представляет собой серьезную угрозу непрочному супружескому союзу Гарри и Долли. Но неужели после всего, что высказала Эмили, ее можно заподозрить в пособничестве неверным мужьям? И неужели из ее признания Тони заключил, что она вынашивает план мести и собирается, пока обидчик поблизости, учинить расправу?

По-видимому, дело обстоит именно так, иначе зачем было устраивать маскарад, имитировать любовную связь? Зачем понадобился тот поцелуй?

Тот поцелуй... При воспоминании о нем кровь быстрее струится по жилам. Нет мочи противиться потоку вожделения и чувственности, прорвавшему непоколебимую плотину

одинокости и равнодушия.

Мужчины и раньше целовали Эмили, но то были чужие губы, они вызывали отвращение. Другое дело — губы Тони... Открытие, что в поцелуе может таиться столько волнующих, запретных ощущений, ошеломило Эмили и сопровождалось тоскливым осознанием собственной никчемности, даже чувством вины. Она не смогла противостоять соблазну, более того, человек, растормошивший дремлющие в ней инстинкты, использовал ее как приспособление для своих хитроумных махинаций.

Чтобы подобные казусы не повторялись, она должна постоянно напоминать себе, кто такой Тони Богарт, какая пропасть разверзлась между ними. Также следует помнить: их отношения ничуть не изменились от того, что она вспылила и сдуру бросила ему вызов.

У Ховардов Тони и не помышлял защищать ее, как она по наивности своей вообразила, он примчался на выручку брату и невестке, чтобы укрыть их за своими могучими плечами.

От Эмили?

Да она сама готова бежать от них хоть на край света. Право же, лучше бы Гарри никогда не покидал Новой Зеландии.

К счастью, вечеринка в доме родителей, очевидно, выветрилась у него из памяти — неудивительно, если учесть, сколько вина он выпил.

В первое время после того, как Гарри ее изнасиловал, Эмили в страхе ждала, что он растрезвонит направо и налево о своей победе и скоро ей вслед начнут показывать пальцем, шушукаться, смакуя каждый нюанс скандальной истории. Но поскольку ничего похожего не случилось, само собой напрашивалось объяснение: Гарри забыл.

Приятная неожиданность, однако в то же время до чего несправедливо и жестоко, что разрушительный ураган, прогулявшийся по жизни Эмили, не оставил ни малейшего следа в судьбе Гарри. Он живет припеваючи и не ведает, что бывают на свете и страдания, и потери.

На его лице не заметно и проблеска какого-либо чувства, кроме самолюбования и похоти. Слава Богу, его первенцу не придется стыдиться своего отца, как сыновьям Долли. Хорошо, что малыш умер, ведь, говорят, в момент зачатия частично закладываются черты характера и нрав ребенка.

Эмили содрогнулась от кощунственных мыслей, лезущих в голову, и краешком глаза уловила, что Тони как-то странно поглядывает на нее, словно уличив в этом чудовищном предательстве.

— Почти приехали, — сказал он.

В устах другого мужчины эти слова могли прозвучать как проявление предупредительности, вежливого внимания, но Эмили уже имела возможность убедиться, насколько мало беспокоят Тони ее репутация и доброе имя. Публично объявить о несуществующих интимных отношениях, поцеловать ее посреди улицы — это ли не признак неуважения?

Да, теперь нравы проще, не то что в начале века: сейчас влюбленные открыто живут под одной крышей, и не обязательно регистрировать брак: духовные и телесные узы связывают крепче, чем обручальные кольца. Многие родители не без доли хвастовства заявляют всем друзьям и знакомым, что ни в коем случае не намерены понукать детей заключить официальный союз, дабы соблюсти формальности, и что для будущего малыша любовь мамы и папы куда важнее,

чем узаконенный семейный статус.

Однако родители-пуритане, преданные консервативным общественным устоям, думают иначе: как ни популярны среди молодежи новомодные веяния, лучше справить свадьбу по старинке и желательно до того, как дедушке с бабушкой преподнесут горячо любимых внуков.

Эмили твердо знала: ее родители не осудят, не опротестуют ее выбора, но будут огорчены известием о тайных похождениях дочери, о том, что они с Тони близки и не собираются к алтарю.

И еще остаются ее клиенты. Многие из них ровесники Эмили, некоторые моложе. Им-то ровным счетом наплевать, как она распоряжается личной жизнью. Но, когда мистер Ормонд ушел на пенсию, в ведение Эмили поступили дела и его клиентов — почтенных пожилых людей, с точки зрения которых, кресло отца для нее великовато. Стоит ли говорить, что, как только сплетни распространятся по городу и коснутся их слуха, они лишь укрепятся в своем мнении, поскольку твердо усвоили с младых ногтей: леди не имеет права себя компрометировать. Общественное положение Эмили пошатнется, соответственно, она утратит уважение отцовских клиентов, и совместная деятельность полетит ко всем чертям.

Эмили устало закрыла глаза, тяжело вздохнула от безысходности и бессилия...

Тони взглянул на нее, и глубокая морщина прорезала его лоб. Даже сидя рядом с ним в интимном полумраке автомобиля, она умудряется закупориться наглухо, как джинн в бутылке.

Его сердце больно сжалось, ударило молотом. Четырнадцать лет прошло, а ничего не изменилось, Эмили так же прячется под своим панцирем. У нее свой, обособленный внутренний мир, и в эту святая святых она никого не пустит.

Конечно же, она его ненавидит, Тони всегда это знал. Впервые ненависть отразилась в ее глазах в ту ночь, когда он застал ее в спальне с Гарри, и вспыхивала с новой силой при каждой последующей встрече.

До сегодняшнего вечера.

Сегодня в глазах Эмили не было ненависти. Но не было и любви, честно признал Тони.

* * *

Ему было двадцать пять лет, когда он безоглядно влюбился в Эмили. Ей едва исполнилось шестнадцать — малышка, школьница, тихая и скромная, миловидная, но без тени откровенной, вызывающей сексуальности, отличавшей некоторых ее сверстниц.

Чистая, невинная голубка, она и не ведала, какая буря эмоций взметнулась в нем, как влекут его эти ясные глаза, эта женственность.

Тони, как гладиатор, сражался с необузданной страстью, настигшей его там, где он меньше всего ждал нападения. Он — зрелый мужчина, пресытившийся женским вниманием, она — совсем дитя, это чувство взрывоопасно для них обоих.

Он всегда был необыкновенно удачлив, не знал проигрыша ни в коммерческих предприятиях, ни в сердечных делах. И вот на закуску благодетельница-судьба припасла для него самое отменное блюдо: бессонные ночи, дни, проведенные как на раскаленных углях. Так и свихнуться недолго.

Все пройдет, должно пройти. Не пристало взрослому мужчине сохнуть от любви к шестнадцатилетней девочке, лишь смутно догадывающейся о его существовании. Его бесшабашному кузену и то проще подступиться к этой маленькой фее. Стало быть, баснословное везение заканчивается в ту минуту, когда на карту поставлено твое счастье?

И однажды он застал свою принцессу в постели с Гарри. Сосед дядюшки и тетушки Тони, находящихся в отъезде, позвонил и высказал недовольство, что в доме иллюминация, и музыка грохочет на всю улицу.

Тони сразу же примчался туда и в гостиной и в других комнатах на первом этаже нашел подвыпивших подростков, приветствовавших его приход отборными ругательствами или вовсе никак не отреагировавших.

Гарри нигде не было видно, и Тони поднялся по лестнице наверх, заглянул в комнату брата... потом заметил полоску света под дверью спальни дяди и тети. Гарри стоял у кровати, полностью одетый, и застегивал рубашку, а Эмили...

Тони что есть мочи стиснул руль. Никогда ему не забыть тех жутких мгновений...

Она лежала неподвижно, растрепанная, покрасневшая, с обнаженной грудью. Одежда порвана — в угаре безумной страсти? — и в беспорядке валяется на полу. Тони, двигаясь как сомнамбула, подошел, чтобы посмотреть ей в лицо. Эмили повернула голову и подняла на него погасший взгляд, который он расценил как удовлетворенное желание.

У Тони потемнело в глазах от приступа дикой ревности. Он задавался вопросом: если у Эмили возникла неодолимая потребность заняться любовью, почему ее выбор пал именно на Гарри? Почему она не пришла к нему, Тони?

Вообще-то ответ ясен: она едва знакома с ним. Наверное, Гарри стал предметом ее девичьих грез и, зная, что тот вскоре покинет Ирландию, быть может, навсегда, Эмили на прощание подарила ему ночь любви.

К счастью для Гарри, у старшего брата, одержимого мыслью раздавить и уничтожить соперника, достало мужества и воли сдержать звериную, бешеную злобу и не наброситься на него с кулаками.

В припадке слепой ревности Тони хотел покарать ничтожного мальчишку, посягнувшего на его сокровище, но Гарри представил все в ином свете, и ярость Тони обратилась на Эмили... Теперь он не мог толком понять, отчего поверил каждому слову кузена.

Тонкое личико Эмили было белее простыни, которую она натянула до подбородка, укрываясь от нескромных взглядов, и Тони тогда показалось: она поняла, какие терзания он испытывает... А сейчас...

Он посмотрел на нее: не мигая глядит в окно, как обычно далекая и недосягаемая...

И вдруг, словно снег на голову, Тони узнает, что над ней надругались, накачали наркотиками, что она никогда не любила его брата, а тот хладнокровно спланировал, как бы больнее отплатить ей за безразличие...

А его, Тони, во всех своих мучениях она винила в первую очередь. Из-за нескольких жестоких, эгоистичных фраз его любимая крошка мучилась четырнадцать лет! И наверняка не жаловалась, не проронила ни слезинки на людях вплоть до недавней вспышки, когда Эмили

накинулась на него, точно разъяренная тигрица...

А сегодня Тони отчетливо увидел в ее глазах подтверждение тому, какие чувства она питает к Гарри.

Надо было тщательно все взвесить, проанализировать. Он же любил ее, так что вполне мог бы догадаться, через какие испытания ей довелось пройти.

Если б он не был слепым, черствым себялюбцем, Эмили пришла бы к нему за помощью и утешением, но он сам все испортил, оттолкнул ее своим идиотским поведением, старательно демонстрировал презрение.

А пусть бы он и не любил ее — нельзя поступать с ребенком столь беспощадно.

Вот только в день, когда Тони наведлся к ней, желая убедиться, что юные пташки по неопытности и в нетрезвом состоянии не переборщили с развлечениями, сквозь него глянули невидящие глаза женщины, и в них явственно сквозила горечь поражения и немое отчаяние.

Тони решил тогда, что в скорой разлуке с любовником она обвиняет его, и даже не подозревал, что для Эмили весть об отъезде Гарри как целебное снадобье.

Зато он знает теперь...

“Ягуар” проехал по широкой асфальтированной аллее, окаймленной аккуратно подстриженным кустарником, свернул направо, и перед глазами Эмили запестрели очаровательные домики с черепичными крышами и высокими каминными трубами.

У нее созрел план бегства: набрать побольше воздуха в легкие, скороговоркой выпалить категорический отказ идти с Тони куда-либо и говорить с ним о чем бы то ни было, а потом вызвать такси. Однако что-то в выражении его лица заставило Эмили прикусить язык*

Автомобиль затормозил у светло-бежевого кирпичного дома, обнесенного низким заборчиком и обсаженного кустами боярышника. Архитектура современная, но крыша черепичная, каждое окно забрано ставнями, а у парадного входа высится белая арка с четырьмя колоннами. С одного боку пристроена застекленная веранда, с другого — гараж.

Тони вышел из машины, услужливо распахнул дверцу для своей спутницы, терпеливо дождался, пока Эмили выйдет. О правилах этикета он осведомлен в полной мере и прекрасно воспитан — этого у него не отнимешь. Подобные знаки внимания Тони оказал бы любой женщине, но с Эмили он не ограничивается простой любезностью, смотрит как-то странно, настороженно.

Этот взгляд Тони, обращенный на нее, Эмили замечала и раньше, до того как побывала в гостях у Гарри, и не могла понять, что за этим кроется. Она всегда трепетала перед Тони, возможно, потому, что плохо его знала. Их представили друг другу, но знакомство прервалось при известных малоприятных обстоятельствах, и он давно перестал внушать ей прежний благоговейный страх.

Тони отпер входную дверь, пропустил Эмили вперед. Она очутилась в просторной, со вкусом декорированной прихожей. Все кругом начищено и отполировано, ни соринки, ни пылинки, ни единого свидетельства того, что помещение обитаемо.

Лето на дворе, а отсутствует даже ваза с цветами. Сразу видно: в доме нет женщины.

— Стерильно и гигиенично, не так ли? — Тони словно прочитал ее мысли. — Этот распорядок заведен отчасти из-за того, что я подолгу бываю в отъездах, а еще потому, что домработница, миссис Вулф, которая навещает меня три раза в неделю, строго-настрого запретила подсовывать ей “цветы и тому подобный мусор”.

— Ее можно понять. — Непроизвольная улыбка тронула губы Эмили.

— Но у тебя-то, верно, цветы расставлены повсюду, хоть от них и образуется беспорядок, по мнению моей чистюли-домработницы?

Эмили, обескураженная пронизательностью Тони, встретила взглядом с его смеющимися глазами. Выращивать цветы и впрямь было для нее наслаждением, а зимой она без колебаний разорялась на самые дорогие букеты, пленяясь изысканным ароматом или красотой соцветий, и хранила цветы до тех пор, пока не увянет и не опадет последний лепесток.

— Нам будет удобнее всего в гостиной, — сказал Тони, нарушив затянувшееся молчание, и через длинный коридор, устланный пушистым светло-коричневым ковром с длинным ворсом, проводил гостью в комнату.

Как и в холле, здесь абсолютно не к чему было придраться, если судить по степени чистоты и качеству мебелировки. Несмотря на солидные размеры гостиной — примерно пятнадцать футов в длину и десять в ширину — обстановка, выдержанная в спокойных бежево-коричневых тонах, производила вполне благоприятное впечатление уюта и комфорта. Плюшевые кресла и пуф, журнальный столик, стеллажи, заставленные книгами и заморскими безделушками, телевизор, проигрыватель и магнитофон. Огромное окно во всю стену пропускало много света. Одна только вещь не вписывалась в общий интерьер — двухместный диванчик напротив камина, обитый золотистым велюром.

— Он принадлежал моей бабушке, — пояснил Тони, заметив, что Эмили с любопытством изучает необычную форму дивана и выделку ткани. — Дизайнер уговаривала меня не нарушать композицию, но я не позволил устранить столь ценную реликвию.

— Он выглядит замечательно и, наверное, очень удобный, — одобрительно сказала Эмили.

Для чего эта прелюдия, эти пространные объяснения? Почему бы не сказать все как есть напрямик, откровенно, не увиливая и не смягчая удара? Голос Тони — даже не верится — звучит ласково, почти виновато...

— Да, очень, — подтвердил он. — Попробуй, присядь.

Эмили не успела опомниться, как уже погрузилась в пуховые подушки сиденья. Тони рассмеялся:

— Ты как маленькая девочка, которая пришла на чай к бабушке с дедушкой, чинно сидит и выжидает, когда же ее похвалят за примерное поведение.

Эмили покраснела от смущения, потому что вдруг почувствовала себя именно глупенькой, маленькой девочкой: ее хрупкая фигурка совсем затерялась среди мягких подушек и ноги не доставали до пола.

— Так не годится, тебе же не удобно. Снимай туфли и забирайся на диван с ногами, — посоветовал Тони.

— О нет... Я боюсь испортить обивку...

— Это не музейный экспонат, Эми. Вещи служат людям, а не наоборот. Устраивайся поудобнее, нам предстоит долгий разговор. Хочешь, приготовлю тебе ужин? Ты ничего не ела у Ховардов.

Она отрицательно покачала головой. На самом деле после легкого завтрака, состоявшего из чашки кофе и тостов с джемом, у нее во рту маковой росинки не было, но, как ни странно, Эмили не мучил голод.

— Позволь хотя бы предложить тебе чай... Или кофе?

Она снова отрицательно помотала головой, с досадой подумав: с ума сойти — какой такт, какая деликатность! Нервы у нее звенят, как рождественские колокольчики, а Тони своим настойчивым гостеприимством лишь продлевает пытку.

— Тогда я угощу тебя кое-чем повкуснее, — загадочно улыбнулся он и исчез.

Через пару минут он вернулся в гостиную, а тем временем Эмили почувствовала себя раскованнее, отважилась наконец скинуть туфли и уселась на диване, согнув ноги в коленях. Признаться, Тони был прав — так гораздо удобнее, и пропало неприятное ощущение невесомости.

Тони присел рядом, поставил на журнальный столик поднос с двумя бокалами и бутылкой муската. Когда один из них, наполненный до середины, был предложен Эмили, она отчаянно запротестовала.

— Пей, не бойся. Это вино несколько лет хранилось в подвале, я приберег его для особого случая.

Вино из подвала Богартов ей уже приходилось пробовать. Не вспомнил ли Тони ее рассказ о том, как “друзья” подмешали ей в бокал наркотик? Она и вправду испугана на всю жизнь и никогда не пьет даже пива. Но еще хуже предстать перед этим человеком жалкой трусихой.

Нехотя Эмили приняла бокал, покрутила на свету, разглядывая густую, медового цвета жидкость, вдохнула насыщенный аромат изысканного букета и сделала крохотный глоточек.

Это всего лишь вино, убеждала себя Эмили, и всего лишь один бокал. Тони неотрывно смотрел на нее, и она осмелилась отпить из бокала еще и еще раз.

Итак, подготовительный этап завершен. Очевидно, сейчас он предпримет первый штурм.

— Эмили, той ночью, когда вы с Гарри...

— Сделай милость, думай что пожелаешь, плевать я хотела на твои угрозы! И не пытайся меня запугать, не выйдет. Все, что я сказала — правда от первого до последнего слова, и я от нее не отступлюсь!

— Не сомневаюсь... — произнес он спокойно.

Ожесточение схлынуло, Эмили от души глотнула живительной влаги, и теплая волна отогрела ее онемевшие пальцы, расслабила мышцы, натянутые как тетива.

— Ты... ты мне веришь? — неожиданно для себя задала она вопрос.

— Да.

Под пристальным, выжидательным взглядом Тони Эмили расхрабрилась и залпом опустошила бокал.

— Сейчас веришь, а тогда и слушать не стал...

Самые разные чувства боролись в Тони, отражаясь на его лице, и под конец оно выразило жалость и покаяние.

— Нет, не стал бы, — повторила Эмили, отрицая то, что прочла в его глазах.

— Послушай...

— Ты смотрел на меня с такой... ненавистью, так презрительно...

Не сводя с нее глаз, он тоже в один присест допил вино, поставил бокал на столик.

— К тебе это не имело отношения, — хмуро ответил Тони. — Просто я был уверен, что ты вообразила себя влюбленной в Гарри. Я думал, ты отдалась ему по доброй воле.

Эмили передернуло от кошмарного воспоминания.

— Я и тогда его терпеть не могла. Он все время потешался надо мной и дразнил, потому что я не... — Краска залила ее щеки, и она отвернулась к камину.

— Потому что у тебя не было мужчины, — подытожил Тони.

* * *

Она не вымолвила ни звука, только протянула ему пустой бокал, и Тони, исполняя молчаливую просьбу, налил еще вина.

Когда он привез ее к себе домой, Эмили никак не предполагала, что у них выйдет такой личный, душевный разговор и Тони безоговорочно поверит всему, что она скажет.

Происходит что-то непонятное, кажется, будто все недоразумения между ними каким-то чудом улажены. У Эмили появилось чувство, что ее сердце спустя много лет вызволили из железных тисков.

— Мне было очень стыдно и страшно... И я полагала, что сама виновата...

— Страшно... Вполне естественная реакция, но виноват во всем Гарри. — В его тоне звучало искреннее сострадание. — А стыдиться надобно мне.

— Ну, теперь все это уже не имеет значения, — с деланным спокойствием сказала Эмили.

Ха, как бы не так! Значение есть, и очень важное. Она не забыла гневной отповеди Тони. И откуда ей было знать, что презрительный, испепеляющий взгляд адресован не ей?

— Ты ушла с вечеринки из-за того, что увидела Гарри?

Резкий переход от прошлого к настоящему застиг ее врасплох, и Эмили призналась:

— Да. Я увидела вас обоих... — Она запнулась, прикусила губу, но Тони успел угадать окончание незавершенной фразы, о чем свидетельствовал понимающий взгляд и суровая складка у рта.

— Что ж, я это заслужил. Мне очень жаль, если Гарри расстроил и напугал тебя.

— Переживу как-нибудь. Самое главное, он позабыл ту памятную ночь. Он тогда был сильно пьян...

— Настолько, что посмел причинить тебе боль.

Его резкое замечание напомнило Эмили о сегодняшних событиях.

— Я прекрасно понимаю, по какой причине ты пытаешься помочь Долли, — осторожно начала она, — и не собираюсь тебе препятствовать. Эти твои нелепые маневры действительно ни к чему. Даже если бы у Гарри не было жены и детей, я и тогда отказала бы ему. — Эмили осушила второй бокал. — Так что ты напрасно заявил своему брату и Джессике, что мы с тобой... Теперь коллейские сплетницы раструбят на всех углах о нашей якобы любовной связи... И хотя гражданский брак не может шокировать современное общество, а сексуальные отношения между мужчиной и женщиной не должны быть непременно скреплены печатью. — Эмили чувствовала, что краснеет от стыда, но твердо решила высказать все до конца.

— Между нами таковых вообще не должно быть. Полагаю, именно это ты пытаешься довести до моего сведения?

Тони Богарт в своем репертуаре: глаза отчужденные, в голосе сквозит нескрываемое раздражение и напряженность.

— Это же маленький город, — с досадой парировала она, — где некоторые жители придерживаются традиционных воззрений. Если бы не мой бизнес...

— Тогда ты, конечно, ничего не имела бы против такого партнера по сексу, как я?

Тони придвинулся ближе, и Эмили машинально отшатнулась, свернулась в клубочек, как котенок, под его скептическим взглядом.

— Я не то хотела сказать, — испуганно пролепетала она. — Ты не...

— Значит, не я, — мягко повторил Тони, и Эмили с удивлением увидела, как он взволнован и серьезен. Сдерживая дыхание, он тихо проговорил: — Хочу кое о чем спросить тебя, Эми... Сколько мужчин... возлюбленных было у тебя за все эти годы?

Вот оно! Так или иначе каждый, кто ухитряется проникнуть за кулисы ее личной жизни, обязательно задает подобный вопрос... И до сего дня никто не удостоился честного ответа. Но раньше Эмили в любой момент готова была отразить атаку. Сейчас — нет.

— Ни одного. Это невозможно. Я не могла...

— Эмили, Эмили...

Тони забрал у нее пустой бокал, приподнял ее, усадил к себе на колени, как дитя. Эмили порывисто обняла его за шею, уткнулась ему в плечо и разрыдалась, вздрагивая всем телом.

Слезы, словно раскаленная лава, текли по щекам, смачивали рубашку Тони, и он чувствовал,

как горячее дыхание опалает его шею.

От молниеносного осознания происходящего рассудок Эмили на миг прояснился, и она попыталась разнять руки, вырваться из объятий, но Тони не позволил. Он принялся укачивать, убаюкивать ее, шепча ласковые, утешительные слова, говорил, что поможет ей, что избавит от боли и страданий, что ей необходимо поплакать и не надо стесняться.

И постепенно предостерегающий внутренний голос, не умолкавший в Эмили на протяжении стольких лет, затих, и долго сдерживаемые эмоции темным горьким потоком хлынули на волю.

И, может быть, не так уж странно, что рядом оказался именно этот мужчина: Тони повстречался ей в начале пути, и продолжение закономерно.

— Вот умница, девочка, — ласково приговаривал он. — Тебе больше не придется терпеть все это, ты и без того намаялась.

Он гладил Эмили по голове, сильная мужская ладонь касалась ее волос легко и бережно, принося прощение и утешение.

Казалось, дотрагиваясь до нее, он вбирал в себя ее тело и душу и сам становился частью ее существа.

Слова, перегоняя друг друга, складывались в предложения и срывались с губ Эмили неукротимым, бурным потоком. Время повернуло вспять, ей снова шестнадцать лет, но все свои горести она созерцает с высоты прожитых тридцати.

Эмили явственно видела перед собой обидчика, на этот раз не более могущественного, чем она. Ей вдруг неудержимо захотелось дать сдачи, и Тони получил весьма чувствительный удар в грудь.

Ей не приходило на ум, отчего объектом ее ярости избран не Гарри, а его старший брат, сейчас трезвые логические выводы делал за нее Тони.

Он видел жизнь Эмили как на ладони, впитывал превратности ее судьбы, будто высасывал змеиный яд из ранки, а его собственная жизнь и судьба отодвинулись на второй план.

Непростительное, преступное заблуждение — он осудил и обрек на жестокие мучения любимую женщину, а насильнику даровал помилование. Окажись на месте Эмили любая другая девушка, отнесся бы он к ней столь же предвзято? Там, где любовь шагает рука об руку с ревностью, не бывает великодушия и справедливости. Выходит, он попросту наказал Эмили за то, что она досталась не ему.

Его дорогая девочка, измученная, оскверненная, оцепенела от боли и унижения, а он сквозь призму ревнивой злости разглядел на ее застывшем лице признаки удовлетворения, молчание расценил как признание вины. Эмили нуждалась в его помощи и защите, а он отвернулся от нее. Грубая грязная похоть Гарри — и та не идет в сравнение с такой изощренной жестокостью.

Тони с невероятными предосторожностями, взвешивая каждое слово, расспрашивал Эмили, освобождая ее истерзанную память от страшных воспоминаний. И она, уже не смущаясь, раскрывала все интересующие его подробности.

Из этого сбивчивого повествования Тони понял, что ее душевная травма несоизмерима с

телесной, и что не из-за Гарри, а из-за него совершился в Эмили душевный переворот.

Он задавал вопросы, слушал и утешал, а сам думал: она никогда не простит, а ему вовек не искупить своей вины. Он проклинал и презирал себя и преклонялся перед стойкостью маленькой женщины. Четырнадцать лет они провели порознь и сражались с прошлым один на один, но ей было во сто крат труднее и совершенно не на кого опереться. Тони понимал, что должен был стать для нее этим кем-то, а теперь драгоценные годы упущены.

Самым лучшим женщинам приходится тяжелее всех. Отважная малютка, жаловаться и стенать — не в ее привычке, только замкнулась в себе, а уж он-то знает, каково в одиночку нести бремя своей судьбы. И он, сам того не ведая, все эти годы заставлял ее молча терпеть.

Понятно, почему у нее так и не было возлюбленного и она не изведала любви настоящего мужчины. Увы, Эмили никому не позволяла доставить ей наслаждение: в каждом, даже самом порядочном поклоннике она видела своего первого “любовника”... и его брата.

Эмили затихла в его объятиях, всхлипывания становились все реже, только плечи подрагивали. Словно ни одной косточки не осталось в ее теле, она прильнула к Тони, податливая, невесомая, обессиленная от волнения,

Он крепче прижал ее к себе, пушистые, мягкие волосы щекотали его подбородок. У Тони щипало глаза, по щеке скатилась скупая слезинка, не из жалости к себе — он не заслужил жалости, — а от скорби за любимую.

Тони представлял, как бы это могло быть... Нет, о том, чтобы Эмили его полюбила, нечего и мечтать, но если б она полностью доверилась ему, пусть даже все ограничится дружбой и взаимопониманием... Он желал ее, но желание не было таким острым, неотступным, как испытываемая к ней любовь.

Что-то, а сдаваться он не намерен. Надо только не зевать, и счастье ему улыбнется. Он завоеует расположение Эмили настолько, что она разрешит ему доказать свои чувства на деле.

Он не выдержит больше ни секунды, желание обладать ею — уже не жалкие вспышки огня на тлеющих углях, а яркий пожар, воспламенивший его плоть и кровь.

Тони достиг зрелости, и давнишнее убеждение окрепло: эта роковая страсть неистребима. По натуре он однолюб, и суррогат ему не нужен. Он мужчина и не собирался давать монашеских обетов, однако с тех пор, как в его сердце вселилась Эмили, все отношения с женщинами завязывались не по его инициативе и очень скоро сходили на нет. Он уступал лишь затем, чтобы не зачахнуть окончательно в одиночестве и не нанести даме смертельного оскорбления отказом.

При слабом свете сумерек Тони всмотрелся: каштановая прядь-завитушка выбилась из прически, упала Эмили на лоб.

Родная моя девочка, я сделал тебе больно, я, а не Гарри. Мое неумолимое осуждение отпечаталось в твоём сознании, медленно, но верно подтачивало твоё неженское мужество.

Её голова покоилась у Тони на груди, и в ушах Эмили гулко отдавалось его сердцебиение, вторя ритму её сердца. Она вдыхала чистый, тёплый, очень мужской запах, так быстро ставший знакомым.

Тони сказал, что она ошибалась на его счёт, он ни в чём её не упрекает, и уж тем более не

презирает, и Эмили по его глазам видела, что это правда.

Сметено первое препятствие, и начинают сходить края пропасти, которая пролегла между ею и Тони, остается лишь говорить, говорить все без утайки. Только об одном она умолчала — о своем не рожденном ребенке.

Сейчас она свободна, вместе со слезами выплаканы горькие, вьедливые воспоминания, и появилась такая легкость, будто паришь над землей.

Эмили сидела, поджав ноги, не шевелясь, пустив чувства на самотек. А чувства сплывались воедино, обратились в инстинкт самосохранения, повелевавший ей не разлучаться с Тони.

Она закрыла глаза, погрузилась в дремоту, но Тони вдруг нежно взял ее за подбородок, приподнял ее голову, заглянул в глаза, заправил за ухо непокорную прядь, прошептал ее имя.

Затрепетав от ласкового прикосновения, Эмили вспомнила поцелуй перед домом Ховардов, перевела взгляд к губам Тони; ее губы приоткрылись, вздохнули мечтательно и счастливо.

Ни с кем ей не доводилось испытывать такого всепоглощающего, беспредельного сладострастия. Мир опрокинулся, перевернулся, и на его вершине хватает места лишь для двоих.

В предвкушении поцелуя у нее перехватило дыхание, все тело сладко заныло. Эмили облизала пересохшие губы и потянулась губами к его губам.

Чудесная истома обволакивала ее, заглушая страхи и сомнения. Отрава вождения проникла и растворилась в крови Эмили. Пускай Тони поцелует ее, как тогда, сейчас она готова полжизни отдать за это ощущение.

Тонкие, нежные пальчики Эмили коснулись его щеки, как некое незримое дуновение.

— Эмили... — выдохнул Тони приглушенным, охрипшим от сумасшедшего желания голосом.

Он слегка повернул голову, тронул губами пульсирующую жилку на сгибе ее запястья. Жаркие змейки пробежали по ее коже, всполох страсти блеснул в глазах.

— Эми...

Пока не поздно, надо остановиться, честно объяснить: то, что с ней происходит, — физиологическая реакция на эмоциональный всплеск. Но ее пылающие губы совсем близко, и Тони не устоял, жадно впился в ее рот, пытаясь утолить неодолимый, сводящий с ума порыв. Теплая волна захлестнула Эмили, и Тони почувствовал, что его ласки — как пьянящий нектар для ее необученного тела.

Но вот она едва ли подозревает, до какого исступления доводит его одной лишь своей близостью. Она перебирала густые волосы, настойчиво притягивая его к себе, чтобы полнее, до головокружения упиваться упругим, уверенным прикосновением его губ.

Сжимая ладонями лицо Эмили, Тони стал целовать ее щеки, сомкнутые веки, дуги бровей, кончиком языка провел вдоль шеи — кожа у нее здесь нежная, шелковистой всякого шелка, прильнул к ямке у горла, и вновь приник к губам в долгом, глубоком поцелуе, чувствуя, как Эмили тает и трепещет в унисон с ним. Ее руки заскользили по его спине, в нерешительности задержались у пояса брюк. Тони понял, что рубашка мешает ей беспрепятственно ласкать его

тело. Он рывком через голову стянул рубашку, отбросил ее в сторону.

Когда он на миг отнял руки, Эмили с недоумением раскрыла глаза и увидела прямо перед собой его красивое, мужественное лицо, искаженное страстью, широко развернутые мускулистые плечи. Сладостная дрожь пронзила ее, она оказалась во власти первобытного инстинкта, которому не было никакого дела до ее разума.

— Прикоснись ко мне, — хрипло потребовал Тони.

Ее ладони легли на бронзовую загорелую грудь, скользнули к плечам. Эмили начала покрывать их легкими, стыдливими поцелуями. Робкие, неумелые прикосновения заводили Тони так, словно это были руки опытной жрицы любви, его учащенное дыхание стало прерывистым и резким.

Он нащупал застежку и расстегнул платье Эмили, стянул рукава с послушных плеч, спустил бретельки бюстгалтера. Провел пальцами вдоль впадинки между плечом и шеей, потом его рука спустилась ниже, по нежному, прохладному телу.

Эмили будто ударило током, она почувствовала, как напряглись груди, и в следующий момент мужские ладони накрыли мягкие упругие холмики.

Тони низко опустил голову, сжал губами болезненно напряженный сосок, ошеломленно помедлил, руки его легли ей на спину, обхватили плечи. Все тело Эмили растворилось в жарком потоке, опалившем ее бедра, лоно.

Она уже не владела собой. Исходившие от него электрические заряды до предела накалили нервы. Она попыталась произнести его имя, но получился лишь набор бессвязных звуков.

Эмили, жаждущая испробовать все до конца и одновременно раздираемая противоречиями: уцелевшим уголком сознания она приказывала себе освободиться от дурмана, но не могла противостоять зову плоти. Теперь-то она понимала, что именно этому мужчине судьбою предназначено перекраивать ее жизнь, из-за него она страдала, с ним познает невыразимое наслаждение. Вот почему ее женская суть долгие годы оставалась неразбуженной: она создана для него, для него одного.

Ее битва с самой собой проиграна, гордыня разбита вдребезги, и ее несет, словно щепку, штормовой волной нестерпимой страсти, сметающей все на своем пути.

Тони чуть отстранил ее и с откровенным восхищением рассматривал стройное разгоряченное тело Эмили. Матовая прозрачная кожа будто светится изнутри, маленькие упругие груди налились от возбуждения, соски отвердели от его яростных ласк. А Эмили залилась румянцем и молчала, смущенная тем, что собственное тело выдало ее.

Она снова и снова со стоном ловила ртом воздух, когда Тони поначалу осторожно, а потом алчно и ненасытно начал ласкать губами ее сосок. Спазмы сладчайшей муки пронзили все ее тело до кончиков пальцев, зарождаясь там, где его зубы нежно терзали тугой комочек плоти.

Внезапно она увидела себя со стороны: дрожащая, полураздетая, податливая и готовая уступить любым желаниям мужчины. Рот приоткрыт от томительного вожделения...

В этот момент Тони поднял голову, посмотрел на нее... и что-то страшное качнулось в глубине его зрачков.

— Эмили, все в порядке, не пугайся, я больше не трону тебя.

Но, когда он мягко высвободил ее из объятий, Эмили в страхе уцепилась за его руку.

— Нет, пожалуйста!.. Не останавливайся... Я хочу...

Она была как в бреду, перед ее глазами вращался магический круг, яркие узоры складывались и менялись с калейдоскопической быстротой. Тони заглянул в ее охваченное экстазом лицо. Он чувствовал, что безумно любит и хочет ее, и знал также, что эта полуженщина-полуребенок в своем упоительном заблуждении, вызванном эмоциональным потрясением, воображает, будто хочет его. Он знал, что не имеет права воспользоваться ее самообманом, но Эмили оплела его руками и ногами, змеиными кольцами сдавила его волю. Почувствовав прикосновение жарких губ, Тони понял, что пропал.

На этот раз, когда он стал ласкать ее грудь, Эмили выгнулась ему навстречу, ее пальцы блуждали в густой копне его волос, и на пике наслаждения у нее вырвался громкий, протяжный стон. Мысли Тони распались на множество осколков. Время сдержанности прошло, их тела сплелись в тесном объятии, оба стремились лишь к одному — к истинному союзу мыслей и чувств, предваряющему акт любви.

Эмили медленно подняла на Тони затуманенный взгляд, увидела на его лице дикую, животную страсть. И тут ее осенило, чем может закончиться эта поэма плоти, если сию же секунду ее не прекратить.

Он мгновенно почуял в ней перемену, ощутил обуявший ее ужас... Господи, неужели его страстные ласки напомнили ей о Гарри? Саднящая, жгучая боль захолонула его.

— Эмили, милая...

Он хотел попросить прощения за свою несдержанность и бестактность, но Эмили закрыла его рот своей ладонью, покачала головой.

— Нет... нет. Я не могу... — выдавила она с таким трудом, будто заговорила впервые за много месяцев. — Я не вынесу, если потеряю еще одного ребенка.

Что же она наделала? Что бы он сделал с ней, если б она ему поддалась? Ведь они почти добрались до последней черты... Последние капли желания иссякли под грузом этих мыслей. С замиранием сердца Эмили следила за тем, как Тони борется, пытаясь потушить бушующий внутри пожар, и выходит победителем из этой битвы.

Когда-то Гарри взял ее силой, а теперь она сама умоляет Тони любить ее. Только в этом и заключается разница, в остальном все развивалось бы по старому сценарию. Разве что вторично ей не пережить гибели своего малыша.

Она неловко натянула платье, кое-как привела себя в порядок. Время и пространство куда-то отодвинулись, лишь обрывки мыслей мелькали в помутившемся сознании. Эмили даже позабыла слова, которые только что пролепетала, и недоуменно уставилась на Тони, когда он резко спросил:

— Какой ребенок? О чем ты?.. Эмили, у тебя был ребенок?!

Он хорошенько встряхнул ее за плечи, и Эмили через силу выплыла из оцепенения, куда погрузилась, точно в омут, и столкнулась с настойчивым, инквизиторски суровым,

вопрошающим взглядом.

— Налей мне еще вина, — тихо попросила она ровным, безжизненным голосом.

Он недовольно нахмурился, но выполнил просьбу и подал ей наполненный до краев бокал.

У Эмили пересохло в горле, распухшие губы жаждали влаги. С каждым глотком в организме восстанавливалось утраченное равновесие, и ее вдруг неудержимо потянуло ко сну. Глаза сами собой слипались, Эмили зевнула раз, другой, напрочь игнорируя нетерпение Тони, выжидающе смотревшего на нее.

— Я устала, — раздраженно сказала Эмили. — Я хочу спать.

Третий бокал оказался явно лишним. Комната закружилась у нее перед глазами, Эмили попыталась угнаться за ней, но ноги у нее подкосились, и она провалилась в зияющую бездну.

Тони подхватил ее как перышко, опустил на диван. Эмили заснула крепким, беспробудным сном...

Она опьянела от трех бокалов белого вина... Но, видимо, она вообще не употребляет алкоголя и к тому же ничего не ела, напомнил себе Тони. Добавим к этому набору недавнюю неприятную встречу с Гарри, и получится, что удивляться нечему: утомлено тело, без сил осталась душа, так что сон единственное спасительное средство.

Надо бы отвезти Эмили домой, но пока она не растолковала своей странной мольбы, обращенной к нему, и Тони не мог отпустить ее, не докопавшись до сути.

Эми зачала ребенка от Гарри — возможно ли? Когда-то она холодно заявила, что у той ночи не было последствий. Но сегодня Тони узнал много нового, и, вполне вероятно, далеко не все. Так, значит, у бедняжки на душе еще и это бремя?

Он склонился над Эмили, взял на руки. Какая же она легонькая, хрупкая...

По счастью, у миссис Вулф комнаты для гостей всегда наготове. Подойдет любая. Эмили останется здесь на ночь, а утром они поговорят о недосказанном. В одном Тони был твердо уверен: его чувства к этой женщине неизменны, независимо от того, родила она ребенка от Гарри или нет.

Однако если она забеременела в шестнадцать лет... Тони содрогнулся, представив, что ей, бедняжке, пришлось претерпеть. Из огня да в полымя.

Шшш, нельзя ее будить, пусть отдохнет. Он медленным шагом направился к двери, у порога приостановился, всмотрелся в ее умиротворенное, спокойное личико, мимолетно коснулся губами ее лба.

— Я люблю тебя, милая, — прошептал он в ее сомкнутые губы, и, словно пытаясь ответить, она улыбнулась во сне.

Доброе предзнаменование?..

7

Да, это чудесное предзнаменование, позволяющее надеяться, что у них с Эмили есть будущее. Тони поднялся со своей драгоценной ношей по лестнице, уложил спящую красавицу в постель,

снял с нее платье и взамен достал из платяного шкафа и надел на нее свою рубашку, в которой могли уместиться две, а то и три Эмили. Он укрыл ее шерстяным пледом: после жаркого дня летняя ночь обещала быть прохладной.

Эмили заснула настолько крепко, что не почувствовала, как он отнес ее наверх, как раздевал. А потом еще долго стоял и смотрел на нее при тусклом свете ночника.

Ладно, пусть сегодня не суждено состояться их соединению, пусть ее желание было всего лишь следствием эмоционального всплеска, но она так охотно и пылко отвечала на его ласки! Еще не все потеряно, можно попытаться счастья в другой раз.

Он даст ей время подумать, освоиться, привыкнуть, познакомиться с ним. Если в конце концов она все же отвергнет его... насильно мил не будешь, да ему и не хотелось принуждать ее. Только бы Эмили не оттолкнула его сразу, нужно успеть доказать ей, что все произошедшее между ними — не мимолетная прихоть.

Тони не удержался от искушения, наклонился, поцеловал ее. Потом резко выпрямился и вышел не оглядываясь.

В гостиной бокал Эмили валялся на полу около дивана, тут же лежал ее бюстгальтер. Тони подобрал его, отнес в комнату Эмили, повесил поверх платья на спинку стула. Ему вспомнилось, как он целовал ее грудь и с какой страстью чисто по-женски откликалось на ласку ее тело... Но вызвать в женщине ответное влечение — не велика заслуга. Гораздо сложнее завоевать ее любовь.

* * *

Эмили просыпалась с неохотой, подсознательно страшась пробуждения. Сон ее был непривычно глубоким и долгим, и теперь голова тяжелая как свинец и хочется пить.

Она потянулась к ночному столику, пошарила рукой в пустом пространстве, недоуменно приоткрыла один глаз... Незнакомая комната, чужие вещи, и она не в своей кровати...

В памяти разом восстановилась картина вчерашнего вечера, и Эмили в смятении закрыла лицо руками, чувствуя себя так, словно выгребла из сундука и швырнула на ветер золотые монеты, накопленные за многие годы. Оказывается, дожив до тридцати лет, она так ничему и не научилась. Сколько всего она наговорила, что вытворяла! Последнее особенно унижительно.

А вино? Она ведь отказывается от вина даже во время семейных застолий, а вчера, похоже, сваляла большего дурака, чем когда-либо в жизни. Правда, у нее есть смягчающие обстоятельства: стычка с Гарри, а потом Тони притащил ее сюда силком... Шок до неузнаваемости меняет человека... Вплоть до того, что всегда осторожная, осмотрительная женщина может броситься в объятия первого встречного?

Ее голова метнулась по подушке — вправо, влево, отгоняя назойливые мысли. Эмили откинула плед... Час от часу не легче: на ней только кружевные трусики и огромных размеров мужская рубашка с засученными рукавами.

Значит, Тони раздел ее перед тем, как уложить в кровать, и вместо пижамы одолжил свою белоснежную, безупречно отутюженную рубашку?

Тонкий материал был полупрозрачным, и сквозь него просвечивали соски, уже не бледно-розовые, а яркие, алые — как следствие бурно проведенного вечера.

Как же она допустила... нет, захотела этого до такой степени, что, если бы в последний момент не опомнилась, не сообразила, куда заведет ее эта безоглядная страсть, сегодня утром она могла проснуться в постели Тони, в его объятиях!

С ней происходит нечто невообразимее.

Двенадцать часов назад она даже не пыталась представить, каков бы он был в роли ее любовника, а сейчас... Сейчас он и подавно мне не нужен, сердито одернула себя Эмили. Чего я хочу, так это поскорее одеться и покинуть этот дом... И еще перечеркнуть вчерашний вечер и ночь. С какой стати я разоткровенничалась с ним, вывернула наизнанку свою интимную жизнь, раскрыла тайники души, в которые никому не было доступа?

Но, как ни странно, разделить их с Тони оказалось на диво легко. Он развеял все ее страхи, и Эмили ничего не боялась... до того кульминационного момента, когда здравый смысл достучался до помутившегося рассудка, и она начала умолять Тони остановиться. Перед ее мысленным взором всплыло выражение его лица, когда он услышал ее полупризнание.

Где он сейчас? Ждет внизу, чтобы устроить допрос с пристрастием, потребовать объяснений?

Эмили тревожно взглянула на дверь, осмотрелась и обнаружила, что ее платье и бюстгальтер висят на стуле у изголовья кровати, а поверх них — сложенный вдвое лист бумаги. Короткая записка гласила:

“Ушел на час по делам. Сварил кофе в 10.00.

Аспирин в кухонном шкафчике над плитой”.

Эмили зажмурилась и потянула носом: запах свежего, ароматного кофе разнесся по всему дому. Аспирин тоже не помешает, голова раскалывается. Она болезненно поморщилась, круговыми движениями помассировала виски.

Эмили спустила ноги с кровати, потянулась, раскинув руки. К предоставленной в ее распоряжение спальне примыкала прекрасно оборудованная ванная комната. Там было все, что могло понадобиться, включая новую зубную щетку. Почтенная миссис Вулф добросовестно выполняет свою работу... хотя и не любит цветов. Контрастный душ привел Эмили в чувство, она окончательно пробудилась ото сна, пожалуй, самого долгого за последние четырнадцать лет.

Ее бархатное платье выглядело вполне прилично, неприятно только, что нет чистого белья на смену, и сумочка осталась внизу у входа, так что придется обойтись без макияжа.

Вообще-то для будничного дня наряд у нее не вполне подходящий. Это выходное платье, уместное на празднике, вроде вчерашнего, но совершенно непригодное для наступившего понедельничного утра.

Эмили причесалась перед зеркалом, закрутила волосы в тугий пучок... Если бы ее “бентли” был припаркован поблизости, можно было бы заехать домой, переодеться и отправиться в офис. Ну а в теперешнем положении наилучший вариант — вызвать такси и смыться, пока Тони не вернулся.

Увидеться с ним, посмотреть ему в глаза выше ее сил. Что он о ней думает после вчерашнего? Наверняка помнит каждую мелочь. Эмили передернуло от отвращения к себе.

Сколько всего навалилось за последние две недели! Взять хотя бы сногшибательную новость о беременности Нэнси...

Пальцы Эмили, поправлявшие непослушные пряди, застыли в воздухе, на миг забылось намерение сбежать до прихода Тони. Она сказала ему о ребенке... Или почти сказала. Вот этого нельзя было делать ни в коем случае — ни от страха, ни от радости.

Все события минувшего вечера — праздник у Ховардов, то, как она занималась любовью с Тони — неожиданно поблекли, отодвинулись куда-то далеко. Все это сущие пустяки по сравнению с предательством по отношению к самой себе, которое она совершила, выдав свою самую сокровенную тайну.

Эмили припомнила резкий, недоверчивый тон его вопроса, гнев, промелькнувший в глазах, припомнила настолько отчетливо, что невольно поразились способности мозга фиксировать увиденное и услышанное вне зависимости от душевного состояния человека.

Она должна спрятаться от Тони, уехать в другой город, в другую страну, лишь бы он никогда не смог ее найти.

Эмили помчалась вниз по лестнице и выбежала прямо к кухне. Она поискала глазами телефон, выглянула в окно, чтобы сориентироваться и прочитать название улицы на табличке, прикрепленной к дому на противоположной стороне.

Настенные часы показывали половину одиннадцатого. Значит, она потратила на сборы совсем немного времени, Тони ушел недавно, и у нее в запасе не меньше получаса.

Телефон стоял на столе, но справочника нигде не было. Зато из окна Эмили разглядела неподалеку телефонную будку и решила позвонить оттуда.

На кухонном столе она обнаружила кофеварку, сливочник, а также кружку и, привлеченная ароматом горячего кофе, соблазнилась и налила себе чуть-чуть.

Вдруг она услышала, как хлопнула входная дверь и, повинувшись первому побуждению, попятилась в глубь кухни.

До ее слуха долетели женские голоса, и через минуту в кухню вошла жена Гарри в сопровождении пожилой дамы, с которой Эмили была лишь отдаленно знакома. По возрасту она, скорее всего, была ровесницей ее матери и дружила с родителями Гарри, пока те жили в Ирландии.

Обе женщины приостановились у порога, приветствие, предназначенное для хозяина дома, замерло у них на губах. Первой заговорила Долли Богарт, застенчиво, но тепло улыбнувшись Эмили, и извинилась за то, что они вошли без стука и напугали ее.

— Тони дал мне ключ и разрешил приходить в любое время. Мы с миссис Эверетт собираемся проехаться по магазинам, и я хотела предупредить Тони, что мальчики остались на попечении Гарри. Может быть, дядя пожелает пообщаться с племянниками. — Она снова улыбнулась, но Эмили почудилось, что эта улыбка несколько натянута. — Видите ли, Гарри не очень хорошо ладит с детьми, зато у Тони это получается просто виртуозно. У новозеландских мужчин, по крайней мере у большинства из них, не слишком развито чувство ответственности перед семьей.

У Эмили вертелось на языке, что Гарри ирландец, но она почла за лучшее промолчать: все-

таки Долли его жена и любит его, Бог знает за что, но любит. Ей будет обидно услышать нелестный отзыв в адрес мужа.

Дружелюбный настрой Долли насторожил и смутил Эмили, ведь только вчера она ощущала враждебность во взгляде и манерах этой женщины.

Пожилая леди исподлобья оценивающе рассматривала Эмили, которая не знала, куда глаза девать и как сочинить более или менее правдоподобное объяснение тому, что она делает с утра пораньше в доме одинокого мужчины. И тут Долли подлила масла в огонь.

— Вчера я не поняла, что вы живете у Тони; простите, если я вела себя с вами грубо. Но теперь-то, надеюсь, он представит нас друг другу? Мы ведь с Гарри только что приехали, ему и то нелегко освоиться с переменами, а для меня и подавно все здесь внове... Кажется, Тони нет дома? Он скоро вернется?

Каждая фраза падала на голову Эмили как кирпич, перед глазами у нее поплыли разноцветные круги. Она не могла ни шевельнуться, ни вразумительно ответить. Слова Долли окончательно добились ее и лишили дара речи.

Разумеется, Эмили была готова к тому, что поведение Тони в гостях у Ховардов не пройдет бесследно и возникнут всяческие домыслы и сплетни. Но есть, как она думала, достойный выход: сделать вид, будто ничего сенсационного не случилось, и слухи иссякнут, едва успев зародиться. Однако несколькими невзначай брошенными фразами Долли неумышленно, но совершенно безнадежно расстроила эти планы.

Между тем миссис Эверетт с подозрительным любопытством разглядывала платье Эмили, очевидно, узнав в нем вчерашний вечерний туалет, и сделала соответствующие выводы. Догадка сменилась уверенностью, что не замедлило отразиться на лице миссис Эверетт. Не пройдет и часа, как она передаст эстафету следующей кумушке, и вскоре всему городу станет известно, что мисс Эмили Ормонд провела ночь с мистером Тони Богартом.

Долли явно не находила в этом ничего предосудительного или сверхъестественного и, по видимому, считала себя не вправе подвергать сомнению и осуждать выбор двух взрослых людей. Но для миссис Эверетт, как и для многих других обитателей Колрейна, не секрет, что Эмили не имеет обыкновения так запросто заводить любовные интрижки...

У Эмили сердце упало от обличающей хищной улыбки пожилой леди. Придумать бы хоть какую-нибудь отговорку, но чем оправдать свое пребывание на кухне у Тони в его отсутствие? Все пропало, Долли безостановочно сыплет вопросам, не оставляя ей ни малейшей лазейки. В самую трудную минуту в ее жизни на Эмили словно нашло затмение: ничего спасительного, как назло, не приходит на ум.

— Я думаю, сейчас нам нет смысла ждать Тони, — весело прошептала Долли. — Но мы с мужем ждем вас обоих к обеду. Тони мог бы...

— Да, я могу все.

Низкий голос Тони ворвался в кухню внезапно, и Эмили аж подпрыгнула от неожиданности, а следом на пороге возникла и его высокая фигура.

Долли тоже не расслышала, как поворачивался ключ в замке, а пушистый ковер в коридоре заглушил шум шагов. Она повернула голову к Тони, ее глаза лучились смехом.

— Привет, дорогой. Мы и не заметили, как ты пришел... Я только что пригласила Эмили пообедать с нами в ресторане отеля. И еще хотела предупредить тебя, что дети остались с Гарри. Было бы неплохо, если бы ты присмотрел за всеми тремя: ты же знаешь, они что угодно могут отчебучить, оставшись без надзора.

Эмили воспользовалась кратковременной передышкой и стала бочком пробираться к серванту в правом углу кухни, рассчитывая укрыться в его тени. Она затравленно покосилась на закрытое окно, прикидывая, нельзя ли каким-то образом незаметно распахнуть его и выпрыгнуть в сад.

— Почему ты не сказал нам об Эмили, проказник? — Долли с притворной строгостью погрозила Тони пальчиком. — До вчерашней нашей встречи я и представления не имела, какую жемчужину ты от нас прячешь.

Какой-то нечленораздельный звук вырвался у Эмили, но она зажала рот ладонью и молилась, чтобы никто этого не заметил.

Однако Тони ей не удалось провести, он услышал ее жалобный протестующий стон и сразу перевел на нее взгляд.

Эмили увидела, что его карие глаза приобрели сейчас теплый лучистый оттенок расплавленного золота, суровые черты смягчились. Он очень добр к Долли... Эмили не допускала и мысли, что чудесное преображение вызвано ее скромной персоной. Она только плотнее прижалась к серванту с таким видом, будто ей только что зачитали смертный приговор.

Ну и влипла же она! Слава Богу, мама с папой ее не видят. Может, слухи все-таки рассеются к их возвращению? Но вот Нэнси обязательно узнает, если Джессика Ховард еще не успела ей рассказать. В страхе и растерянности Эмили позабыла о самой серьезной проблеме: как отвертеться от предстоящих дотошных расспросов сестры?

К Нэнси-то блюстительницы нравов прибегут к первой — вцепятся, как собаки в кость, и не угомонятся, пока не обглодают дочиста. А уж Нэнси со всем пылом примется наставлять на путь истинный младшую сестренку, но прежде потребует отчета по полной программе. Как же, она пребывает в неведении, а весь город судачит о том, что ей полагалось узнать в первую очередь.

Эмили чувствовала, что даже родной сестре не посмеет признаться, как в действительности очутилась в чужом доме наедине с мужчиной и чем это увенчалось.

Нэнси учила Эмили чуть ли не с пеленок не ронять своего достоинства и приводила бесчисленные примеры об отношении мальчиков к утратившим самоуважение девочкам. Можно не сомневаться, что подобные приемы не изъяты из арсенала старшей сестры и пригодятся ей в ближайшем будущем.

Эмили подняла глаза на Тони, не сознавая, что смотрит на него умоляющим взглядом. Как заставить Долли замолчать? А может, обратиться к миссис Эверетт с просьбой забыть все, что она здесь видела и слышала?..

— Мы еще никому не сообщили официально, правда, солнышко? — Бодрый голос Тони вывел Эмили из оцепенения. — Из эгоистических соображений мы хотели подольше сохранить при себе наш маленький секрет. Даже семья Эми еще ни о чем не знает.

Долли от восторга даже захлопала в ладоши.

— Тони, ты имеешь в виду, что вы с Эмили... Вы собираетесь пожениться? Это же замечательно! А можно я буду подружкой невесты на свадьбе?

Удушливая волна накатила на Эмили и накрыла ее с головой. Тони специально встал так, чтобы загородить ее от сыпавшихся градом вопросов и неумемного энтузиазма Долли, сжал ее дрожащие пальчики, и Эмили почувствовала, как от его пожатия мурашки бегут у нее по спине. Миссис Эверетт и Долли не видят ее лица, но Тони отчетливо ощущает, что с ней сейчас творится.

И какого черта он приволок ее сюда? Изначально было ясно: добром это не кончится. Подвез бы до дому, и обошлось бы без лишних эксцессов.

— А когда вы объявите о помолвке? — снова затараторила Долли. — До нашего отъезда или...

— Эми решит, — без запинки откликнулся Тони. — А со свадьбой мы пока повременим. — Он нежно обнял Эмили за плечи, посмотрел прищуренными глазами в ее ошеломленное лицо. — Эми хочет подождать, пока ее родители вернуться из кругосветного путешествия, не так ли, любимая?

Любимая?! Эмили судорожно глотнула воздух. Да он совсем спятил! Не только ее, но и себя связывает по рукам и ногам, будто нарочно отрезает все пути к отступлению.

Поначалу Эмили была почти благодарна Тони за то, что он избавил ее от докучной необходимости оправдывать свои поступки, за то, что найден благовидный способ соблюсти приличия, но теперь хватил через край, переусердствовал, стремясь защитить ее... и себя.

Вот бы вытянулись лица у Долли и ее спутницы, если б Тони изложил им детально историю своего знакомства и отношений с Эмили! Но нет, он ударился в другую крайность и нарисовал идиллическую картинку для сказки с грядущим счастливым концом.

Тони легонько пихнул ее в бок; Эмили встрепенулась и услышала, что Долли неизвестно в который раз спрашивает у нее, какое колечко ей хотелось бы получить в подарок от жениха, и, буквально приплясывая от радости, восклицает, что надо не мешкая отпраздновать замечательное известие.

Прекрати ломать комедию! — чуть было не крикнула Эмили, но Тони, словно предвидя это, крепко стиснул ее маленькую ручку в своей руке, приказывая молчать.

Он был совсем близко, и Эмили опять подпадала под его власть. Знойным утром ее знобило, как на морозе, а прикосновения Тони обжигали ей кожу. Те же эмоции, что она испытала вчера вечером, вновь забурлили в ней, но на этот раз все одновременно. Та же мелкая дрожь сотрясает ее тело, и единственное, с чем удастся справиться, — это не стучать зубами. Эмили одолевала беспомощная, дикая злость на себя и на Тони за унижительное, неловкое положение, в которое она попала по его почину и из-за своей опрометчивости.

С самого момента пробуждения Эмили непрестанно внушала себе, что ее неодолимое влечение к Тони — преходящий этап, следствие душевного потрясения. И вина она выпила чересчур много для совершенно непьющего человека, поэтому и свалилась с ног. Эмили занималась самообманом до тех пор, пока Тони не пробил изрядную брешь в ее обороне и не доказал ей, что, спокойна она или встревожена, пьяна или трезва как стеклышко, стоит ему дотронуться до нее, и она вмиг загорается и хмелеет от страсти.

Наконец Тони отправился провожать миссис Эверетт и Долли. Последняя на прощание от всего сердца расцеловала Эмили и ликующе объявила, что скоро они станут сестрами.

Долли не виновата, думала Эмили, наблюдая из окна, как Тони усаживает дам в машину. Разве Долли выхлестала три бокала вина, забралась на колени к Тони и наплела кучу всякой ерунды, а потом умоляла любить ее, издавая сладострастные стоны, которые и сейчас неотвязно звучат в ушах?

Всему виной стечение обстоятельств: если бы миссис Эверетт и Долли не заявили сюда без предупреждения, Эмили успела бы уйти незамеченной, и никто никогда не проведал бы, что она провела ночь под одной крышей с мужчиной.

Когда Тони вернулся, Эмили стояла на том же месте, где он ее оставил. На лице у нее было написано такое безысходное отчаяние, что ему захотелось обнять ее и утешить, пообещать, что все уладится. Но вместо этого он тихо спросил:

— Налить тебе кофе?

Эмили злобно уставилась на него, глаза ее превратились в две сверкающие щелки. Предлагать ей кофе таким тоном, словно она зашла к нему в гости поболтать о том о сем! Прикидываться, будто ничего не случилось!

— Как ты мог? — срывающимся голосом выкрикнула она. — Зачем ты намекнул им, что мы с тобой... Что мы собираемся обручиться? Ты хоть понимаешь, что натворил?

Эмили осеклась на полуслове, чувствуя, что взвилась на дыбы, а прыти не хватает. Она разозлилась сама на себя за истерические интонации, выдавшие ее панику и уязвимость.

Обозлился и Тони:

— А, по-твоему, как я должен был действовать? Допустить, чтобы миссис Эверетт и дальше продолжала думать, а она именно так и думала, что у нас мимолетная сексуальная связь? Ты бы предпочла, чтобы по городу витали подобные слухи?

— Тебе-то что за печаль, какие слухи распушит обо мне эта балаболка? — не без яда осведомилась Эмили. — Ты — мужчина; никто не осудит тебя за любовь на одну ночь.

— Никто, кроме меня самого, — резко возразил Тони, сурово нахмурившись.

Поразившись страстной убежденности в его голосе, Эмили взглянула на него удивленно, недоверчиво. Его глаза утратили янтарную теплоту и, как прежде, потемнели от плохо скрываемой ледяной ярости.

— Я не племенной жеребец и не веду счет своим многочисленным, как ты вообразила, победам, — проскрежетал он. — Моя репутация значит для меня так же много, как и твоя для тебя, и я не желаю, чтобы меня считали ловеласом. И меня точно так же, как и тебя, коробит, что наши с тобой отношения будут выставлены на всеобщее обозрение.

Эмили слушала и ушам своим не верила. Откуда он знает о ней так много? О том, что она чувствует, как реагирует на происходящее?

— Но... Зачем же впадать в крайности? Зачем ты вообще завел речь о свадьбе?

Тони, не удостоив ее взглядом, повернулся к ней спиной, с преувеличенной медлительностью налил себе кофе. Потом, все так же не оборачиваясь, глухо сказал:

— Помолвки иногда расторгают... Любые отношения могут завершиться разрывом...

— У нас нет никаких отношений! — возразила Эмили, но Тони посмотрел на нее таким укоризненным взглядом, что у нее зарделись щеки и заняло внизу живота.

Ему не следовало напоминать ей, что ночью она, в сущности, предлагала ему себя, умирая от желаний. Более того, после ее откровений их отныне связывает и духовная близость.

— У нас не может быть никаких отношений, — пробормотала она уже не столь уверенно. — Я не могу...

Теперь Эмили отвернулась, стиснув зубы и обхватив себя руками, как бы отгораживаясь от Тони. Здравый смысл подсказывал ей, что сейчас самое разумное — поговорить с Тони обо всем, чтобы вместе найти правильное решение, однако малодушное побуждение уйти от ответственности взяло верх, да и чем может завершиться их "семейный совет", кроме как очередной перепалкой?

Эмили хотела вернуться в свой коттедж, запереться на все замки и никого не впускать. Только так она обретет утраченный покой, а затем решит, как быть дальше.

Рядом с Тони, в поле его магнетического притяжения она не в состоянии сделать ни то, ни другое. Без малейших усилий он переворачивает вверх дном ее рассудок и душу. И стоит ей посмотреть на него, как она каждой порой начинает ощущать запах его кожи и прикосновения его рук и губ...

— Я ухожу, — вымолвила наконец Эмили.

Она чувствовала себя непроказившей девчонкой, которую отчитывают за какую-то дурацкую шалость.

— Я вызову такси, если ты разрешишь мне воспользоваться твоим телефоном.

Это уже больше похоже на рассудительную речь взрослой деловой женщины, какой Эмили и являлась в обыденной жизни.

Маленькая, хрупкая, ранимая девочка, которую вчера обнимал Тони, затаилась в глубине. Лучше бы там она и оставалась всегда.

— Я сам подвезу тебя...

— Нет! — Отказ прозвучал резко и испуганно, с досадой признала Эмили. — Мне надо позвонить и забрать мою машину.

— Я сделал это сегодня утром. — Эмили удивленно воззрилась на него.

— Ты? Но... Кто-нибудь тебя видел? — быстро спросила она.

— Поздно спохватилась, моя ласточка, — сухо сказал он. — Ты можешь убежать от меня, от мнения окружающих, но от себя самой тебе не спрятаться.

Жизненный опыт подсказывал Эмили, как совладать с неподвластными ей чувствами и ситуациями: нужно попытаться изгладить их из памяти. Не притворяться, будто их не было вовсе, а попросту запрещать себе думать, отмахиваться от опасных размышлений.

Именно этим и занималась Эмили вот уже целые сутки: как страус, прятала голову в песок. Она сидела за письменным столом в своем офисе, подперев руками подбородок, и мысли ее витали где-то очень далеко от работы.

Больше двадцати четырех часов она не видела Тони, и какими же долгими показались ей эти томительные часы! Он все-таки настоял на своем: отвез ее домой и проводил до самой двери... Более суток прошло с тех пор, как Тони предпринял безумную авантюру и официально объявил о предстоящей помолвке

Телефонные звонки за день вымотали у Эмили больше нервов, чем за все годы ее работы. Каждый раз она подскакивала в кресле и дрожащей рукой снимала трубку. Но каждый раз звонили по делу, и Эмили переводила дух с облегчением, к которому примешивалась горечь.

Прошлой ночью она почти не смыкала глаз, хотя ужасно устала. Будто опасалась дать поблажку сознанию: во сне ей не скрыться от Тони. Едва ее веки смыкались, мысли о нем под покровом ночи проникали в комнату, роились в голове. Но что это были за мучительные воспоминания! Кляня свою тупость и неблагоразумие, Эмили снова и снова пыталась убедить себя, что сорвалась из-за нервного перенапряжения, да еще в придачу Тони напоил ее своим коллекционным мускатом. Но почему-то не убывало чувство стыда и уверенности, что, однажды испробовав вкус любви, она не устоит перед соблазном и в следующий раз, если таковой будет.

Нет, следующего раза не должно быть... Телефон зазвонил над самым ее ухом, и Эмили вздрогнула так сильно, что шариковая ручка, которую она рассеянно вертела в пальцах, отлетела в сторону и упала на пол.

Она автоматически подняла трубку, ответила и с трудом смогла скрыть изумление, услышав на другом конце провода голос Уильяма Бэдфорда.

Как выяснилось, он рассмотрел проекты, предложенные Эмили, и нашел их весьма впечатляющими. Мистер Бэдфорд хотел назначить еще одну встречу, чтобы обсудить детали дальнейшего сотрудничества.

Эмили быстро отыскала в ежедневнике свободный день и записала время, которое устраивало обоих.

— Да, кстати, мисс Ормонд, я предлагаю вам пообедать как-нибудь вчетвером: вы с Тони и я с Клэр, моей женой. Что скажете?

— Благодарю вас, мистер Бэдфорд, очень любезно с вашей стороны, — пролепетала растерявшаяся Эмили.

Повесив трубку, Эмили призадумалась, не обязана ли она тем, что приобрела расположение Уильяма Бэдфорда, известию о ее предстоящей помолвке с Тони? У них, наверное, общий бизнес, вот и ей перепал лакомый кусочек.

Любопытно, рискнул бы Бэдфорд сделать ее своим деловым партнером, если бы содержание сплетен было несколько иным и молва прочила бы ее не в невесты Тони Богарту, а в любовницы?

Разве справедливо, что уровень ее квалификации определяют, ориентируясь на личную жизнь? Но, как ни обидно, многие клиенты, прослышав о том, что ее имя теперь связано с именем известного, всеми уважаемого предпринимателя, наверняка последуют примеру Уильяма Бэдфорда.

Эмили с досадой смотрела на телефон, почти сожалея, что не отказалась. Долгожданное соглашение не принесло ей удовлетворения, а лишь уязвило гордость. Но одно соображение удерживало ее от искушения перезвонить Бэдфорду: отец всегда говорил, что в бизнесе нельзя руководствоваться только личными мотивами. Иногда приходится потакать причудам клиента в ущерб собственным прихотям.

В конце концов ни один мужчина не позволит себе распустить нюни, когда речь идет о делах. Но, с другой стороны, ни один уважающий себя мужчина не потерпит покровительственного отношения к себе и не примет подачки, с ожесточением подумала Эмили. Ей тоже хотелось бы, чтобы оценили ее собственные заслуги, а не рассматривали как приложение к какому-то другому человеку, к мужчине тем паче.

Внутри у нее все бурлило от негодования и злости на Уильяма Бэдфорда и ему подобных, как вдруг в кабинет вихрем влетела разгневанная Нэнси.

— Ну что, довольна собой?

Ни приветствия, ни вступления, никаких вопросов о прошедшем уик-энде. Старшая сестра ринулась в атаку раньше, чем Эмили успела прийти в себя от ее неожиданного появления.

— Поздравляю! Если ты решила сделать из меня посмешище, тебе это удалось как нельзя лучше! Я встречаю Кристину Олсфилд на автостоянке и слышу восторги по поводу того, что моя сестра подцепила чуть ли не самого завидного жениха в Соединенном Королевстве. Причем, заметь, слышу впервые. Уже весь Колрейн оповещен о том, что вы с Тони...

— И что же мы с Тони? — запальчиво и в то же время со страхом перебила Эмили.

Нэнси знает, что она ночевала у него? А горожане строят предположения, сколько дней, недель, месяцев продлилась тайная связь, до того, как любовников разоблачили... Вернее, до того, как застали Эмили в доме любовника? И, естественно, никому и в голову не придет обвинить Тони в нарушении приличий. Все косые взгляды будут адресованы Эмили.

Нэнси стояла напротив нее, облокотившись о стол обеими руками, подавшись вперед, с горящими глазами. В последнее время она привыкла к беспрекословному повиновению родственников и обращалась с ними, словно сюзерен с вассалами. А тут вдруг младшая сестра осмелилась ей перечить. От такой дерзости Нэнси аж оторопела, но ненадолго и колко ответила:

— Что вы с Тони собираетесь пожениться, разумеется, что же еще?

Разом нахлынуло нелепое, безмерное облегчение. Эмили сначала не поняла, что оно означает, но когда осознала, поразилась своему лицемерию. Сказывалась ли среда, в которой она выросла, или врожденная благовоспитанность, но, если уж люди обсуждают ее частную жизнь, она предпочитает укрыться за завесой лжи, сочиненной Тони, всеми правдами и неправдами сохранить репутацию незапятнанной.

Быть может, ей было бы все равно, если бы ее личная жизнь касалась только ее самой. Но есть еще мама с папой, Нэнси. Дети Нэнси сейчас в таком нежном возрасте, их больно заденут

всякие гнусные сплетни о членах их семьи... А клиенты... Они бы попросту порвали с агентством, где должность генерального директора занимает женщина с подмоченной репутацией.

— Одного я не могу понять: почему ты мне не сказала? — сердито проворчала Нэнси. — Честное слово, Эмили, твоя скрытность переходит все границы... Вы же с ним... Ведь ваши отношения не были построены исключительно на сексе, в них не было ничего грязного, верно? Тогда как прикажешь истолковывать твое секретничанье?

Эмили внутренне сжалась. Жестокие, едкие слова Нэнси обрушивались на нее, как удары хлыста. А та и представления не имеет, как недалеко от истины.

— Ты разве не понимаешь, что по твоей милости я осталась в дураках? У моей любезной сестрицы помолвка на носу, и всем об этом известно, кроме меня!..

Эмили молчала, но Нэнси это не смутило, и она продолжала:

— Конечно же, Кристина мне не поверила, когда я попыталась выкрутиться и наплела ей, что мы специально не оглашали ваших намерений, потому что вы с Тони еще не установили точную дату свадьбы. Эми... Почему ты молчала? Я-то думала, мы с тобой самые близкие люди. Я даже не знала, что вы знакомы с Тони, не говоря уже обо всем остальном... А его невестка Долли Богарт, захлебываясь от восторга, рассказывает каждому встречному, что будет твоей подружкой на свадьбе, а ее сыновья — пажами. Они с мужем даже решили задержаться, чтобы присутствовать на торжествах по случаю вашего бракосочетания... Ну, Эми, ты меня убила наповал; от чужих людей у тебя нет тайн, а сестре и родителям — ни слова. То-то отцу и маме будет сюрприз, когда они вернутся!

Губы Нэнси жалко скривились, на глазах показались слезы. Эмили стало совестно, что она расстроила сестру, да еще на раннем сроке беременности. И, чтобы хоть как-то ее утешить, Эмили сказала первое, что пришло в голову:

— Понимаешь, пока не решено окончательно, что мы с Тони поженимся. Долли и Кристина сильно преувеличивают. Поверь, Нэнси, я бы тебе первой обязательно все рассказала, если бы было о чем, и...

— То есть как не решено? — Слезы Нэнси моментально высохли, она грозно нахмурилась.

Эмили увидела, что попытка утихомирить разбушевавшуюся сестру подействовала, словно красная тряпка на быка: Нэнси не только не сменила гнев на милость, но взъярилась еще больше.

— Ты провела с ним ночь, Эмили. Да-да, не отнекивайся, мне и об этом доложили, — язвительно продолжала она. — Я понимаю: ты взрослая женщина и с моим мнением давно перестала считаться, но я не желаю, чтобы Стефани в один прекрасный день пошла по той же кривой дорожке. Надеюсь, она не будет брать пример с любимой тетюшки... Узнать от посторонних, что сестра собирается замуж, этого для меня уже более чем достаточно, но если ты скажешь мне, что...

Терпение Эмили лопнуло.

— Что именно? Что мы с Тони занимались любовью? А почему бы и нет? Как ты справедливо заметила, мы взрослые люди. Я твоя сестра, Нэнси, сестра, а не дочь! Создается впечатление, будто ни у одной дамы в Колрейне нет возлюбленного или мужа, поэтому они суют свой

длинный нос в мою личную жизнь... — Эмили проигнорировала негодующий возглас Нэнси. Переполюнявшие ее горечь, возмущение и обида ринулись на волю, не признавая препятствий. — С какой стати я обязана отчитываться перед тобой в каждом шаге и поступке? Почему, к примеру, ты не предупредила меня, что не пользуешься противозачаточными средствами и что Ричард не предохраняется?

Нэнси раскрыла рот, но поперхнулась и закашлялась. Щеки у нее пылали, глаза вылезли из орбит. При виде ее плачевного состояния, Эмили скукожилась, как проткнутый воздушный шарик. И кто ее за язык тянул? Выплеснув на сестру накопившуюся досаду, она осознала, что отплатила той же монетой — обошлась с ней несправедливо и жестоко.

Нэнси, по-видимому, думала о том же. Кровь отхлынула от ее щек, и лицо покрыла неестественная бледность.

— Ты зря это сказала... Заявить родной сестре, что она сует свой длинный нос не в свое дело! — Нэнси быстро подошла к двери, потом остановилась и торжественно добавила: — Когда ты в таком настроении, говорить с тобой бесполезно, но все же запомни: кроме как от меня, тебе не от кого ждать помощи.

Дверь закрылась за сестрой раньше, чем Эмили собралась извиниться.

Нэнси не следовало вламываться к ней в офис и обвинять чуть ли не во всех смертных грехах, но она имеет все основания чувствовать себя оскорбленной: из того, что она видела и слышала, и нельзя было сделать иных выводов.

А Эмили, как ни хотела оправдаться перед сестрой, чувствовала свое бессилие; ведь не скажешь просто: я не виновата, не обращай внимания на сплетников. Придется изъясняться поточнее, однако это невозможно. Забота о моральном облике дочери не позволит Нэнси объективно воспринять правду.

Обвинение в пагубном влиянии Эмили на Стефани слишком надуманное, но Нэнси всегда была склонна драматизировать, а в последнее время стала раздувать костер из малейшей искры.

Беременность иногда оказывает на жен-шин подобное воздействие. Эмили вспомнила, какие противоречивые мысли одолевали ее саму, когда... Тонкие брови сошлись у переносицы, руки сжались в кулаки. Ей и без того хватает, о чем тревожиться.

Нужно успокоить Нэнси, попросить прощения, она отходчива и не станет долго дуться. Но вдруг она решит взять на себя подготовку к помолвке и свадебной церемонии? Займется рассылкой приглашений, поисками платья, организацией свадебного путешествия... хотя, пожалуй, в последнем Тони лучше нее знает толк... Так или иначе, до приезда родителей остается около месяца. Времени в обрез, чтобы без лишней шумихи, деликатно замять нелепый вымысел.

Эмили рывком выбралась из кресла, начата мерить шагами комнату. Не так просто будет выпутаться из этой передраги. Тони вполне может махнуть на Средиземное море или, к примеру, податься на Южный полюс и предоставит ей в одиночку разбираться с их общими трудностями.

Для начала нужно побеседовать с Нэнси и заручиться ее поддержкой... Черт подери, если бы не это треклятое вино!.. В приливе отчаянной злобы Эмили топнула ногой об пол.

Тони виноват не меньше меня, упрямо внушала себе Эмили. Даже больше, потому что

идиотская идея о помолвке принадлежит ему. Джессика видела их вместе, Гарри и Долли видели, как они целовались, и все же тогда еще можно было придумать отговорку... Но сцена, разыгранная в понедельник утром при двух свидетельницах в доме Тони, имела недвусмысленное значение. Другому объяснению никто не поверит...

Итак, начнем с Нэнси. Маленькая морщинка прорезала лоб Эмили. Она терпеть не могла ссориться с сестрой, а только что произошедшая между ними размолвка особенно ее огорчала. Она вела себя, как законченная эгоистка, поскольку поставила во главу угла собственные интересы, совершенно не учитывая, что разговаривает с беременной женщиной.

Эмили набрала телефонный номер Нэнси, с минуту послушала унылые длинные гудки и с тяжелым вздохом положила трубку. Что ж, она заедет к Нэнси вечером после работы, а пока постарается придумать оптимальную версию случившегося, которая удовлетворила бы всех.

За час работа у Эмили не продвинулась ни на шаг: все умственные усилия и энергия затрачивались на бесплодные попытки сосредоточиться. Она даже отказалась от ланча, чтобы сэкономить время, и в итоге питалась собственными невеселыми раздумьями. Ей попался на глаза ежедневник, где она записала дату встречи с Уильямом Бэдфордом. Всего две недели назад она мечтала о его согласии, а теперь интерес померк, и вожденная сделка стала нежеланной.

Впрочем, Эмили и сейчас была бы довольна и горда собой, если бы оказанная ей честь не имела непосредственного отношения к ее "дружбе" с Тони Богартом.

Снова зазвонил телефон, нарушив звенящую тишину кабинета Эмили. Хрипловатый, низкий голос заставил ее вздрогнуть.

— Я у себя дома, — сказал Тони. — Ты не могла бы приехать? Это очень важно.

— Прямо сейчас? — ошарашенно спросила Эмили.

Сердце у нее учащенно билось, в голове гудели сирены. Только этого ей не доставало, нашел время назначать свидание! Но пока она собралась с мыслями и придумала повод для отказа, Тони попросил:

— Да, если тебя не затруднит... Это действительно необходимо.

Эмили хотела спросить, нельзя ли отложить встречу до окончания рабочего дня, но в трубке уже звучали сигналы отбоя. Тони, очевидно, не сомневался в ее согласии.

Она захватила сумочку и ключи от машины и вышла в коридор. На вопросительный взгляд секретарши сбивчиво ответила:

— Я э-э-э... У меня срочный вызов, Делла. Свяжитесь, пожалуйста, с мистером Форрестом и перенесите совещание на завтра.

Эмили покраснела, словно мелкий воришка, пойманный с поличным. Делла всегда в курсе всех городских новостей и наверняка по встрепанному виду начальницы безошибочно определила, куда та держит путь.

* * *

Первое, что Эмили увидела, подъехав к дому Тони, — серебристый "вольво", принадлежащий

Нэнси. С нехорошим предчувствием Эмили неохотно вылезла из машины.

Тони явно высматривал ее из окна, потому что открыл дверь раньше, чем гостья постучала.

На нем были темно-серые брюки строгого покроя, светло-серая рубашка и идеально повязанный галстук в тон. В этом серьезном, сдержанном мужчине Эмили с трудом узнала страстного любовника, который доводил ее до экстаза своими объятиями и поцелуями, который разбудил в ней неведомые дотоле инстинкты. Нет, это был прежний Тони — суровый, непреклонный. И в то же время великолепный образчик силы и красоты.

Она стояла перед ним, как ягненок, такая хрупкая, испуганная. Страх плескался в ее глазах, и Тони, позавчера научившись распознавать мельчайшие оттенки ее настроения, тут же все понял и негромко чертыхнулся.

Он пообещал себе, что не будет торопить события и не упустит подаренный изменчивой фортуной шанс наладить отношения с Эмили. Теперь он знает, почему она всегда избегала и ненавидела его, как знает и способ растопить лед.

Рассудок подсказывал ему: не удастся что-либо изменить только из-за того, что они покончили с прошлыми недоразумениями. Но сердце кричало: невозможно любить кого-то так долго и безответно! Эмили и впрямь не совсем равнодушна к нему, хотя бы физически. А это уже немало. Ей было хорошо с ним — не с его кузеном, не с другими мужчинами, а только с ним. И это его главный козырь.

И вот сейчас Тони видел, как Эмили борется с искушением развернуться и убежать. Он взял ее под руку, приглашая войти в дом. Эмили вздрогнула, но руки не отняла.

— Твоя сестра здесь, — сказал он, когда тяжелая дверь захлопнулась за ними.

— О Боже!..

— Она приехала очень расстроенная и сильно не в духе, — предупредил Тони. — Но сейчас, полагаю, она хочет с тобой помириться...

Затравленный взгляд Эмили стал более спокойным: ее тревожила неизвестность, а теперь она, по крайней мере, узнала, что от нее требуется.

Но почему она позволяет Тони притрагиваться к ней? Не оттого же, что его прикосновение дает ей тепло и покой? Совсем не об этом свидетельствует предательское сердцебиение и внезапный приступ слабости... Он ведет ее под руку, а она не может и не хочет высвободиться.

На пороге гостиной Эмили на мгновение застыла, увидев пресловутый бабушкин диванчик.

Тони, если и заметил ее нервозность, виду не подал. Вместо этого он приветливо улыбнулся Нэнси, с угрюмым лицом сидевшей в одном из кресел у камина.

— Эми... Мне очень жаль... Ради Бога, прости меня... Тони объяснил, что попросил тебя никому не рассказывать о вашей... любви, пока он не уладит кое-какие дела в своем туристическом бизнесе. Он говорит, ты собиралась обо всем мне сообщить в прошлые выходные. — Нэнси виновато улыбнулась. — Но я, кажется, сама этому помешала, обрушила на тебя новость о ребенке, а тебе не дала и рта раскрыть. И сегодня утром опять все испортила. Я должна была понять, что ты не станешь без веских на то оснований скрывать от меня свое счастье. Просто... мне было неприятно услышать радостную весть от чужого человека.

— Понимаю, — покаянно ответила Эмили.

Так, значит, Тони затеял миротворческую миссию: вернул душевное спокойствие Нэнси, развеял ее обиду. А вину за сокрытие “радостной вести” принял на себя.

— Ты не представляешь, как я счастлива за вас обоих, — продолжала Нэнси. — И вы правильно сделали, что огласили свою помолвку: из-за того, что произошло в воскресенье, вы не могли поступить иначе. Тони говорит, вы опасались, как бы ваши отношения не осквернили грязными выдумками и сплетнями. — Сестра подошла к Эмили, обняла ее; потом снова принялась извиняться: — Прости, дорогая, утром я вела себя безобразно и сюда заявила, чтобы высказать Тони все, что думаю о вас, но, благодаря ему, я осознала, какая я бестолковая...

Эмили слушала молча, не находя в себе мужества ответить. Каждое слово Нэнси впивалось в нее, точно отравленный дротик.

Тут на помощь подоспел Тони: привлек ее к себе, обнял за талию. Почувствовав тепло его ладони, ощущая его силу, Эмили вытянулась в струнку, страшась, что тело в очередной раз предаст ее.

* * *

— Нэнси, не изводите так. Эми на вас не в обиде. Правда, моя милая?

Тони провел ладонью по ее волосам, с нежностью заглянул в глаза. Личико Эмили слегка порозовело, губы приоткрылись, как распустившийся бутон розы. Легкое прикосновение его руки привело ее в трепет, и по всем жилам разлилась обжигающая огненная река.

Он смотрит на ее губы... медленно наклоняет голову, как будто... Нет, не собирается же он поцеловать ее сейчас, в присутствии Нэнси?

— Дорогая...

Ее губы дрогнули, опаленные его горячим дыханием, длинные, загнутые кверху ресницы опустились. Эмили повернулась к нему, приподнялась на цыпочки.

Руки Тони сомкнулись у нее за спиной, он крепко прижал ее к себе, припал к губам. Едва касаясь, заскользил языком по кольцу губ, но через секунду проник в сладкую глубину ее рта, опутывая Эмили паутиной любовной ласки.

Пол завертелся у нее под ногами; Эмили не замечала, что Нэнси смущенно смотрит на них, словно никогда не видела ничего подобного. Наконец Тони оторвался от ее губ, и Эмили стыдливо спрятала лицо у него на груди.

Зная, как действует на нее близость Тони, почему она позволила ему дотрагиваться до нее? Когда Эмили осмелилась взглянуть на сестру, то прочла в ее широко распахнутых глазах страшный ответ: “Ты любишь его!”

Да, она его любит — так сильно, что это даже наводит на нее ужас. Теперь Эмили словно прозрела и могла сказать наверняка, в какой момент впервые пробежала между ними искра взаимного влечения — много лет назад, когда ей, шестнадцатилетней девочке, представили красивого высокого мужчину. Он был ослепителен, как солнце, и Эмили тщетно пыталась вырваться из плена прищуренных карих глаз. Тони осторожно и мягко встряхнул ее маленькую ручку своей мускулистой смуглой рукой в приветствии и задержал чуть дольше, чем

предписывалось этикетом...

— Я, пожалуй, пойду, — с деланной беспечностью сказала Нэнси.

— И не беспокойтесь об Эмили, я сумею о ней позаботиться, — заверил Тони.

Нэнси открыто и дружелюбно посмотрела ему в глаза.

— Извините, что сомневалась в вас. Думаю, это мои гормоны разбушевались. — Она засмеялась, сложив руки на животе. — Если вы с Эми не станете терять времени, у моего малыша будет двоюродный братик или сестричка...

Эмили желала лишь одного: оказаться на необитаемом острове за миллион миль от истины, которую только что для себя открыла, и чтобы кругом — неприступные скалы и безбрежный простор океана.

Нэнси вышла из дома в сопровождении Тони и зашагала к машине, а Эмили смотрела им вслед и понимала, что не может пойти за сестрой.

Предполагается, что они с Тони должны любить друг друга. Эмили действительно его любит, пусть ее чувства — словно улица с односторонним движением. Она больше не принадлежит себе и готова, как рабыня, последовать за ним куда угодно, ведь на ее губах, как клеймо, его поцелуй... Поцелуй, который Нэнси сочла доказательством любви.

Она замирает от волнения при звуке его голоса, захлебываться от желания, от того, что он с ней делает! Вот и наступила развязка по прошествии четырнадцати лет... Наверное, у нее всегда было какое-то предчувствие, а то, что она принимала за ненависть, на самом деле интуитивная реакция на приближение опасности.

Снаружи донесся шум заводимого мотора. Нэнси высунулась из окошка автомобиля, весело помахала рукой Тони.

Представив, что через минуту окажется с ним наедине, Эмили заметалась по комнате в поисках укромного местечка, но безуспешно: все равно она будет на виду, в какой бы угол ни забилась.

Отворилась и захлопнулась входная дверь. Эмили, уже не помышляя о бегстве, в ожидании замерла посреди гостиной спиной к вошедшему.

* * *

— Я и не заметил, что твоя сестра ждет еще одного ребенка, — сказал Тони.

Неужели он затевает светский разговор и полностью себя контролирует, доведя ее до такого умопомрачительного состояния? Самолюбие Эмили на миг возобладало над беспомощной покорностью судьбе.

А Тони смотрел ей в спину, и сердце его бешено колотилось и едва не разрывалось от боли. Ей претит находиться в этой комнате, дышать с ним одним воздухом. Ее разум и душа не приемлют просьбы тела. Он должен облегчить ее страдания — открыть дверь и выпустить Эмили... Тогда она навсегда уйдет из его жизни.

Но нет ли другой, потайной, двери, за которой заперта Эмили, гораздо более крепкой, чем

дверь его дома? И оттуда он не может ее вызволить, как ни старается.

Видимо, он ошибался, когда понадеялся, что отыщет утерянный ключ и поможет ей освободиться от неизбывного чувства вины и воспринимать жизнь такой, какая она есть.

Эмили живет в плену своих воспоминаний; а поскольку не изведала ни любви, ни счастья, ее воспоминания состоят лишь из боли и мучений. Тони различил это в звучании ее голоса, когда она сказала, что ее ребенок умер. Он прочел это по ее глазам, когда Нэнси упомянула о своем малыше.

В чем-то Эмили была права, упрекнув его в толстокожести, присущей большинству мужчин. Он лишь смутно догадывался, каким огромным и опасным может казаться временами мир маленькой женщине, и боялся сломать тонкое звено, связавшее его с Эмили. Невыносимо стоять в нескольких метрах от нее, видеть, как она страдает, и бездействовать.

Успев забыть о своем многолетнем заблуждении, Тони злился на весь свет, на родственников Эмили: они что, все ослепли, что ли? Не могли уберечь ее, хотя бы поддержать после того, как случилось несчастье?.. Но она так умело маскировала свои истинные чувства... Он ведь тоже представления ни о чем не имел, и только чистая случайность пролила свет на истинное положение вещей.

Тони сделал глубокий вдох, сознавая, что и при самом деликатном подходе не облегчит участь ни себе, ни ей.

— Эмили, — тихо позвал он. — Я хотел кое о чем тебя спросить...

Она ни слова не проронила, лишь едва заметно повернула голову. Тони помолчал немного, ожидая ответа. Напрасно. Его неодолимо тянуло подойти к ней, схватить в объятия, поцелуями вырвать признание. Но что потом? И он заговорил, тщательно подбирая слова:

— Эми, расскажи мне, как это случилось? От чего умер твой ребенок?

Эмили дернулась, как от удара электрического тока. Она не была подготовлена к такому вступлению, думала, что предметом обсуждения станут их отношения, планы на будущее...

Что он о себе возомнил? По какому праву истязает ее, берedit незаживающую рану? Разве он еще не наслаждался вдосталь зрелищем ее унижения и боли? А теперь покушается на самую заповедную, неприкасаемую часть ее жизни...

Она повернулась на ватных ногах, на лице застыла холодная маска, но в голосе дрожали слезы.

— А ты как думаешь, что произошло?.. Я убила его, ты это можешь понять? Я его убила!

Услышав это горестное восклицание, Тони почувствовал, как волосы зашевелились у него на голове. Он вдруг отчетливо увидел, какой ценой далось Эмили решение, которое ни поддержать, ни раскритиковать было некому.

Как же снять с ее души этот камень? Она ведь сама была ребенком, чья вина заключалась лишь в неведении и незащитности, а наказывает себя так сурово, точно заранее все рассчитала и спланировала и действительно совершила хладнокровное убийство.

— Эми, ты ни в чем не виновата, ты сама была еще малышкой и не могла оставить этого ребенка. Я догадываюсь, чего тебе стоило решиться прервать беременность, но...

Ее глаза загорелись ненавистью, нежные губы скривились в жесткой, недоброй усмешке.

— Но я все сделала правильно, это ты хочешь сказать? Естественно, ничего другого тебе и в голову не приходит. Истинно мужское чутье... — От ее истерического, напряженного смеха у Тони мороз пошел по коже. — Ну так вот: все обернулось совсем иначе. Мне не было предоставлено права выбора, жизнь... судьба распорядилась по своему усмотрению. Я постоянно твердила, что мне не нужен этот младенец и...

Тони смотрел на нее выжидающе, с тревогой, со страхом, и по выражению его лица Эмили поняла, что ему не ясен смысл ее слов.

— У меня был выкидыш, — с грубой откровенностью бросила она. — Я потеряла ребенка, потому что... он знал, что я его не люблю.

Слезы текли по ее щекам и жгли, словно расплавленный металл. Тони ожесточенно набросился на себя. Глупец! Как было не понять, что Эмили подразумевает под убийством. Ведь он любит ее больше всего на свете, а на поверку выясняется — он просто бесчувственный чурбан.

Ревность и неразборчивое в средствах честолюбие ослепили его, и в результате минули годы, прежде чем таким вот образом ему открылась правда. За это время можно было так много дать и получить друг от друга. Эмили пришла бы к нему, но, выходит, для него важнее было отомстить ей, а не пожертвовать ради нее своей гордыней.

Он должен был понять после того, как побывал у нее дома после злополучной вечеринки, если не раньше. "Последствия" — этим невзрачным словом он определил не поддающиеся описанию состояние и ощущения Эмили, которые круто изменили ее жизнь.

Спрашивается, о чем благополучии он заботился, для кого задался целью разузнать об этих самых последствиях? Для нее, утверждало его сердце, для себя, насмеялся разум. Он находился во власти предубеждения, вообразил, что она влюблена в Гарри, — и куда девалась его хваленая прозорливость? Он считал себя неплохим психологом и не разглядел, что Эмили боится и чего-то недоговаривает.

Тогда он ни о чьих чувствах, кроме своих собственных, не беспокоился, потому и не сумел обернуть все так, чтобы Эмили доверилась ему и приняла его помощь.

Эмили вполне могла бы сохранить ребенка, если бы пожелала, а он бы с радостью поддержал ее во всем — положил бы к ее ногам свою любовь и обеспечил материально, И, если бы она согласилась, женился на ней, любил бы одинаково ее и малыша. Вместо этого он предоставил ей выкарбкиваться самостоятельно и занялся своей драгоценной особой...

— Я погубила свое дитя, отказывая ему в любви, но... я, правда, хотела, чтобы этот ребеночек родился...

Больше Тони не мог выносить ее самоистязание. Он пересек пространство, разделяющее их, стиснул Эмили в объятиях, не обращая внимания на ее слабые попытки высвободиться. Он принялся гладить ее волосы, вынул платок и отер ей слезы, сопровождая каждый свой жест утешительными, ласковыми словами.

— В том, что с тобой случилось, виноват только я, — заключил Тони.

— Ты? — оцепенев от удивления, спросила Эмили.

Она перестала плакать, но все еще всхлипывала и вздрагивала всем телом, ослабевшая, опустошенная почти так же, как после выкидыша: ощущение такое, будто какое-то существо жило внутри тебя, а теперь — пустота. Только когда она потеряла ребенка, пустота заполнилась болью и многотонной тяжестью, а сейчас наступило облегчение.

Тони считает себя виноватым во всем... С чего это ему взбрело в голову?

— В тот день, когда я пришел к тебе домой... Я должен был увидеть...

— Тогда еще не было заметно. — Он покачал головой.

— Я не то имел в виду, Эми. Я хотел сказать...

— Что?

— Не бери в голову. Важно то, как ты переживала... взвалила всю вину на себя... Ты была совсем молоденькой и, возможно, физически не подготовленной к материнству.

Эмили печально улыбнулась: Тони повторяет диагноз, поставленный в больнице. Она не послушалась врача — тогда его непонятные слова казались раскатами грома, а его лицо и фигура плавали в густом, неосязаемом тумане. Однако врачу не было резона лгать, он не зависил и не умалил меру ее ответственности, а просто выполнил свой долг.

От этого поздно пришедшего понимания скорбь не уменьшается... Зато наконец-то нашлось противоядие от адской смеси злобы, горечи и безнадежности, издавна отравлявшей душу Эмили, и воспоминания в истерзанной памяти сделались мягче и светлее.

Вызвано ли это тем, что раньше проявление ее чувств натывало на неодушевленные предметы, а сейчас свидетелем стал живой человек? Не потому ли воспоминания о ребенке терзали ее, что она держала их взаперти? А проговорив вслух, признала их право на существование?..

Тони не ослаблял объятий. Эмили попробовала отодвинуться, но теплое кольцо его рук только плотнее сомкнулось у нее за спиной.

И она отказалась от сопротивления, прильнула щекой к груди Тони. Как хорошо быть рядом с ним, опираться на его сильные руки, впитывать исходящее от его тела тепло, ощущать неистовое биение его сердца... Эмили показалось, что самый прекрасный сон снится ей наяву. Она всегда мечтала: кто-нибудь обнимет ее вот так, и выслушает... и успокоит... и будет любить...

Но ведь Тони не любит ее. Он испытывает к ней сострадание, в какой-то степени считает себя виноватым, но о любви и речи быть не может.

И она больше не девочка, не подросток, она женщина, и оставила позади свое прошлое, признала, что возврата не будет, изменить что-либо нереально и что ее восприятие прошлого было окрашено эмоциями, которые безраздельно властвовали над ней в течение многих лет.

А доказательство тому — ее отношения с Тони. Она была уверена в его презрении и осуждении, а он, оказывается, и не помышлял об этом. Вероятно, и ее строгость к себе чрезмерна. Она никогда не забудет своего ребенка, не перестанет сожалеть о его гибели, но сейчас боль утраты немного утихла, оттого что есть с кем ее разделить.

На протяжении многих лет Тони был для Эмили олицетворением всех ее бед и несчастий. Но поистине непростительная ошибка — та, которую она совершает сейчас, признавая, что только в его объятиях чувствует себя спокойной... и почти счастливой.

Он искренне жалеет ее, и, кажется, его влечет к ней. И, если честно, она тешит себя надеждой, что в сложившихся обстоятельствах взаимная симпатия с легкостью перерастет в нечто более глубокое.

Шестое чувство нашептывает ей, что нет ничего проще в данный момент, чем соблазнить Тони, воспользовавшись его состраданием. Все, что от нее требуется — запрокинуть лицо, посмотреть ему в глаза, подставить губы.

Эмили ощущала, как содрогается все ее тело от сильнейшего неутоленного желания, разгорающегося с каждым вдохом, как страстно она жаждет заняться любовью — сейчас же, немедленно!

Чтобы тем самым поставить печать на прошлом и распрощаться с ним навсегда? Или чтобы убедиться, что она имеет хоть какую-то власть над любимым мужчиной и получить от него единственно доступную малость?

Добиться близости с Тони не составит особого труда — это Эмили знает наверняка. Физическое влечение без любви... чаще всего так оно и бывает, с горечью подумала Эмили. И в то же время она по-женски гордилась тем, что возбуждает его.

Однако позволить этой страсти прорваться наружу и воплотиться в реальности — значит погубить себя. Это как бомба замедленного действия. Эмили понимала, что не сможет удовлетвориться взрывоопасным сочетанием: сочувствие и вожделение — с его стороны, и влюбленность, помноженная на настоящую привязанность, — с ее.

Если уж суждено интимным отношениям когда-либо возникнуть в ее жизни, пускай они будут полноценными. Кроме того, не хочется начинать любовь с обмана. Нельзя поощрять Тони, сознавая, какие разные у них источники желания.

Эмили подавила вздох, и Тони почувствовал, как настойчиво она отстраняется от него. На этот раз Эмили решительно уперлась локтями ему в грудь, требуя отпустить ее, и он вынужден был подчиниться.

— Прости, — еле различимо вымолвила она.

— Не извиняйся, Эми. Это я должен просить прощения.

Он разнял руки, заложил их за спину. Эмили хотела сделать шаг назад, развернуться и уйти, но вдруг услышала, как Тони произнес ее имя.

— Да? — Она вскинула на него васильковые глаза: он смотрел на нее, на ее губы именно так, как она только что об этом грезила.

Эмили поспешно отвела взгляд, опасаясь, что уступит растущей в ней потребности броситься ему на шею и прошептать... прокричать, как безумно она любит и хочет его.

— Мне... мне пора...

Тони проводил ее до автомобиля и смотрел ей вслед, пока "бентли" не скрылся за поворотом...

Когда Эмили отперла входную дверь и вошла в дом, зазвонил телефон. Она бросила сумочку и “дипломат” у порога, схватила трубку.

— Алло!

Эмили разочарованно опустилась на стул, услышав голос Нэнси.

— У меня замечательная идея! — возбужденно затараторила сестра. — Почему бы не отметить помолвку в нашем саду? И дом у нас просторный, всем места хватит... А еще мы можем устроить банкет.

Торжество по случаю помолвки... Эмили растерянно слушала восторженные излияния Нэнси, и у нее не хватало духу спустить сестру с небес на землю, разрушить с упоением возводимые ею воздушные замки, ведь Нэнси искренне радуется и полна энтузиазма.

— Звучит потрясающе, — неуверенно пробормотала Эмили. — Но вдруг у Тони другие планы?

В конце концов пришлось пообещать в ближайшее время обсудить с “женихом” возможные варианты. Эмили отдавала себе отчет, что будет по меньшей мере трусостью перекладывать ответственность на Тони, чтобы он убедил Нэнси отказаться от наполеоновских замыслов. Впрочем, он, по-видимому, уже приобрел навыки общения с будущей “родственницей” — Нэнси уважает Тони и прислушивается к его суждениям, в то время как Эмили для нее по-прежнему неразумное дитя.

Празднование помолвки... Эмили тоскливо размышляла, как все могло бы быть чудесно, если бы она и Тони в самом деле собирались пожениться... Если бы он любил ее хотя бы вполовину так сильно, как она любит его!

Все, баста! Эмили смахнула набежавшие слезы. У нее и так хлопот предостаточно, например, работа. В офис возвращаться поздно, но она прихватила с собой кипу документов, можно разобрать их дома.

Она разложила бумаги в гостиной на кушетке и сама устроилась тут же, поджав под себя ноги и вооружившись ручкой.

В девять часов Эмили позволила себе передохнуть и приготовила легкий ужин. А после, перемыв посуду, вернулась в гостиную и включила свет: в комнате уже смеркалось.

С улицы донесся шум подъезжающего автомобиля; Эмили выглянула в окно и увидела “ягуар” Тони.

Неужели Нэнси все-таки позвонила ему насчет этой дурацкой вечеринки?

Эмили, вытянув голову, смотрела, как он выходит из машины, открывает калитку, идет по мощеной дорожке к дому. Она вздрогнула, когда раздался звонок, хотя и ожидала его.

Эмили открыла дверь, отступила в коридор, пропуская гостя. Оба заговорили одновременно:

— Нэнси сказала тебе?..

— Эмили, я хотел...

И разом смолкли.

— Сначала ты, — предложил Тони.

Он тепло улыбнулся, и Эмили почувствовала: такая улыбка предназначена ей одной. Это ощущение было для нее новым, непривычным, опасно обольстительным, и она невольно так же ласково улыбнулась в ответ.

Эмили вкратце пересказала разговор с Нэнси и в заключение состроила забавную гримаску:

— Надеюсь, ты простишь меня, но я сказала, что все решения принимаешь ты.

— Долли тоже проходу мне не давала, приставая с расспросами и настаивая, чтобы я назвал точную дату свадьбы. И я ответил ей, что выбор за тобой.

Эмили рассмеялась.

— Но я приехал не за этим...

Она жестом пригласила его в гостиную.

— Я беспокоился за тебя после всего, что случилось днем... ты здесь совсем одна. — Он отвел глаза, как бы стыдясь своей слабости: такое впечатление, что он гоняется за ней, словно встревоженная наседка.

Эмили посмотрела на него удивленно и признательно. Подобной чуткости и заботливости она не предполагала до сих пор ни в одном мужчине. Неужели можно так ошибаться в человеке?

Она судила о Тони, совсем его не зная, а теперь любит так же пронзительно, как раньше ненавидела. Он вдруг повернулся к ней новой, неведомой гранью, наверное, потому и сменили столь неуловимо друг друга два противоположных чувства.

Горячие слезы навернулись ей на глаза, и в страхе, как бы он не догадался, что она сейчас испытывает, Эмили начала суетливо складывать в папку документы.

— Что ж, спасибо тебе за заботу... — Слова благодарности прозвучали как-то чопорно, фальшиво. Но у нее не хватило смелости выразить то, что она думает на самом деле.

— Эмили... Поверь, мне очень жаль, что ты потеряла своего ребенка, я понимаю, как тяжело тебе было... Прости, если мои слова покажутся тебе бестактными, но я хочу, чтобы ты знала: когда тебе понадобится помощь, не стесняйся обращаться ко мне...

И как-то так вышло, что она обернулась, сделала шаг в его сторону, и в то же мгновение Тони шагнул ей навстречу.

— О Боже, Эмили...

Его глухой, охрипший голос проник ей в самую душу. Она подняла на Тони глаза и тут же осознала, что совершила оплошность.

Он безумно хочет ее. Это написано у него на лице, отражается в расширенных бездонных зрачках, в том, как его взгляд скользнул к ее губам.

Она могла его остановить — отойти, отвернуться, сделать какое-нибудь банальное, ничего не

значащее замечание, лишь бы разрядить повисшую в воздухе напряженную тишину. Но ни то, ни другое, ни третье не пришло ей в голову. Наоборот, Эмили ответила на призыв, словно бы нарочно задержала взгляд на губах Тони. Она чувствовала, как ее щеки заливают румянец, но даже не думала прятать лицо.

Сделала ли она встречное движение, или Тони, или они оба, но в следующий момент их тела переплелись, губы соединились, как разрозненные частицы мозаики.

Поцелуй был нежным и одновременно страстным. У Эмили закружилась голова, она произнесла имя Тони под усиливающимся, требовательным натиском его губ. Несмотря на горячее, нетерпеливое желание, он не торопился, действовал с разжигающей медлительностью, прикасаясь к ней Бережно, как к хрупкой фарфоровой статуэтке.

Эмили все теснее прижималась к нему, чувствуя жар его тела и упругую силу бедер. Его ладони опустились ниже ее спины, ласково и вместе с тем настойчиво притягивая ее. Язык Тони нежно касался ее язычка, щекотал ее небо, и Эмили вздрагивала в ответ. Ее внутреннее напряжение ослабло. Все защитные рефлексы рушились, точно карточные домики.

Он стал покрывать поцелуями ее подбородок, шею, наслаждаясь благоухающей бархатистой кожей, а Эмили обхватила руками его голову, прижимаясь губами к его густым, пышным волосам, вдыхая их пьянящий мужской запах.

Откровенное желание, исходившее от него, жар его тела наполняли ее кровь лихорадочным огнем. Вся дрожа, едва не теряя рассудок, она приникла к нему, ноги больше не держали ее. Чувствуя взаимность, Тони припал к ней в поцелуе, лаская сквозь тонкую ткань кофточки грудь Эмили и напряженные соски, все сильнее распухавшие по мере того, как, расстегивая пуговицы, его пальцы гладили нежный атлас ее кожи.

Внезапно ослабив объятия, он посмотрел на ее прикрытые веки.

— Открой глаза, милая, — хрипло сказал он, обдавая ее своим горячим дыханием и поочередно целуя уголки ее глаз. — Я хочу, чтобы ты видела, кто занимается с тобой любовью.

Она безропотно подчинилась властному приказанию, подняла затуманенный взор. Ей было уже все равно, сможет ли она потом жить спокойно или нет. Но, если продолжать сдерживать в себе жгучее желание, с замыслом восстановить мир в душе придется навсегда распрощаться. Другого шанса — Эмили знала это наверняка — уже не представится. Сердце ее трепыхалось, как пойманная птица, и она чувствовала, что ей необходимо как воздух познать радость любви с настоящим мужчиной, который сумеет доставить ей удовольствие и приоткроет завесу самого заветного таинства.

Мощная волна страсти захлестнула Тони при виде ее зардевшихся щек и помутненного взгляда. В слепой, неодолимой тяге он провел руками по спине Эмили, склонился, дотронулся жадным ртом до ее груди, начал медленно и дразняще водить языком вокруг то одного, то другого розово-коричневого соска. Эмили прогнулась ему навстречу, как человек, измученный жаждой и умоляющий дать ему воды. Впервые пробудившееся женское чутье подсказывало Эмили, что в своем воображении Тони обладал ею, должно быть, тысячу раз.

Беззвучный всхлип потряс ее тело. Эмили содрогнулась, не в силах дышать. Беспомощная, обезоруженная, она кусала губы, пытаясь сдержать стон.

Ей хотелось, чтобы он целовал каждый дюйм, каждую клеточку ее тела. Она смутно понимала, что произнесла это вслух, потому что Тони заговорил неровным, срывающимся голосом:

— Я тоже хочу тебя, Эми... И сейчас ты увидишь, как сильно.

Он развязал галстук, скинул рубашку. В одежде он казался обманчиво стройным, а теперь Эмили замерла, глядя, как бугрятся мышцы на его широких, мощных плечах и руках. Тони начал раздевать ее, снял с нее кофточку, пальцы его потянулись к молнии на юбке.

— Не здесь, — выдохнула Эмили, указывая глазами на полураскрытую дверь.

Она не знала, как выразить, как объяснить ему, что она чувствует, чего жаждет всем своим существом, но в одном была уверена: то, что должно произойти между ними, никогда больше не повторится. Но все же она хотела, чтобы это произошло в ее спальне, на ее постели, хотела лишь насладиться полнотой каждого мгновения — сейчас, немедленно. Неважно, что будет потом: у нее останется память о Тони, воспоминания о ночи, когда она была желанна и сама сгорала от желания.

Он посмотрел на нее серьезно и пронизательно и вмиг понял все, что не решались вымолвить ее нежные губы.

— Да, не здесь, — согласился Тони и протянул руку.

Без малейших колебаний Эмили вложила свои пальчики в его сильную ладонь. Она пошла впереди, показывая дорогу к спальне, но на лестнице Тони подхватил ее на руки и крепко прижал к своей груди. Они поднялись наверх молча, и Тони легонько толкнул ногой дверь.

Оторвавшись от земли, Эмили парила в чувственном забытии, ощущая превосходство мужчины и свою покорность. Она осмелилась взглянуть на Тони: суровые губы поджаты, а глаза сверкают такой голодной страстью, что внутри Эмили побежала конвульсивная дрожь.

— Достаточно одного твоего слова, и я уйду, — тихо сказал Тони. — Я не собираюсь тебя насиловать.

Больше всего на свете он боялся отпугнуть Эмили, хоть чем-то обидеть. Желание обладать ею было неукротимым и диким, однако стоило ей ответить “нет”, и он действительно ушел бы в ту же минуту. Но она только обхватила его руками за шею так, словно никогда не выпустит, ее мерцающие глаза приблизились к нему вплотную и... Тони увидел, что доводы здравого смысла уже не властны над ее сознанием, что нерастратенное безрассудство побороло вечную осторожность и Эмили, точно так же, как и он, оказалась в плену испепеляющей страсти.

Эмили задышалась, ловя губами воздух, и миллионы электрических разрядов пронзали ее тело.

— Я хочу увидеть тебя всего, — выговорила она со стыдливой откровенностью.

Тони опустил свою ношу на кровать, а сам выпрямился и стал расстегивать ремень брюк. Во рту у Эмили пересохло; замерев от восхищения, она заворожено наблюдала, как он предстает перед ней во всем великолепии мужской красоты, как симметрично напряглись мышцы его стройных ног и узких бедер. Черты его лица обозначились резче, на лбу выступили капли пота.

Обнаженный, Тони лег рядом с Эмили, прижался губами к ее губам, его рука скользнула ей за спину. Она запрокинула голову, подставляя шею поцелуям, и от прикосновений губ Тони трепетала и таяла как воск, расплавленный жаром свечи. Руки Эмили начали блуждать от висков к затылку, ероша его волосы, а пальцы Тони подбирались все ближе к последней преграде, отделявшей ее нежную женственную плоть от его возбужденного мужского естества. Тело Эмили задвигалось медленно и волнообразно, словно подталкивая, умоляя.

Тони заглянул в ее охваченное экстазом лицо.

— Скажи мне, как тебе нравится, Эми. Я смогу дать тебе все, что ты хочешь.

Его пальцы наконец коснулись самой интимной части ее тела, которую стали ласкать так искусно, что Эмили вскрикнула от невыразимого блаженства.

Я хочу тебя, ты мне нужен! Я так тебя люблю! Эти признания раздирали ее грудь, рвались наружу, но Эмили не могла говорить и только приглушенно постанывала.

Тони целовал ее плоский живот и округлые бедра, крохотное углубление пупка, продлевая мучительное наслаждение, пока Эмили не выгнула спину, простонав его имя. Из его груди вырвался глубокий вздох, и он накрыл ее тело своим.

Эмили повела бедрами, инстинктивно подстраиваясь под его движения. Тони входил в нее медленными толчками, погружаясь все глубже, и Эмили наполнял хмельной восторг, ведь совершалось то, чего она ждала и жаждала долгие годы.

— Боже, как я хочу тебя, — прошептал он, найдя ртом ее губы.

Эмили так сжимала его в объятиях, что, казалось, ощущала каждую его косточку. Удовольствие все нарастало, пока не накатила ослепительно блистающая волна и внутри у Эмили словно началось извержение вулкана.

В этот момент тело Тони вдруг ослабело и обмякло, он повернулся, в изнеможении откинулся навзничь, одной рукой продолжая обнимать Эмили, а она чувствовала невероятную легкость и ликование, то ли палая в бездонную пропасть, то ли воспаряя ввысь.

В утоленном спокойствии проходили минуты. Постепенно сердца стали биться ровнее. Острое чувственное удовлетворение сменилось ощущением безмятежного покоя.

Тони приподнялся на локте, всмотрелся в лицо Эмили. Из ее глаз все еще струились слезы; он провел пальцем по мокрым ресницам, слизнул слезинку со щеки.

— Родная...

И он обнял ее, нежно и в то же время настойчиво притягивая.

Эмили вдруг представила, что завтра его не окажется рядом, и от одной лишь этой мысли ощутила щемящую боль. Невыносимо расстаться с Тони теперь, ведь она стала неотделимой его частью. Нет, он не должен уходить, он принадлежит ей!

Эмили вообразила бесконечно длинную череду одиноких ночей, когда она будет лежать без сна в своей кровати, вспоминая... мечтая... Она сознавала, что непередаваемое наслаждение, которое она обрела в объятиях Тони, не могло бы быть предопределено лишь физической близостью. Значит, она действительно любит его.

Это первый и последний раз, когда они вместе. На короткий миг она понадеялась, что исцелится навсегда, если отдастся страстному порыву. Она заблуждалась, блаженство ускользает, и остается пустота. Но почему через такой жестокий урок открылась ей истина?

Эмили горько всхлипнула, и Тони принялся баюкать ее, глядя шелковистые волосы, рассыпавшиеся по подушке.

— Тише, милая, успокойся. Ты устала, тебе надо заснуть...

Он утешал Эмили, пока ее глаза не начали слипаться. Потом накрыл одеялом ее и себя и, глядя в ее сонное личико, прошептал:

— Теперь ты будешь со мной, да, Эми? Ты ведь навсегда останешься со мной, правда?..

* * *

На рассвете Эмили проснулась внезапно и с таким чувством, будто что-то потеряла во сне. Она не сразу поняла, чего ей недостает, и, проведя рукой по другой половине кровати, обнаружила, что та давно остыла.

— Тони, — позвала она, впрочем, не надеясь получить ответ, и страшно удивилась, когда Тони появился на пороге спальни. — Я... я думала, ты ушел.

Думала или надеялась? — мрачно спросил он про себя, подошел, сел на край кровати. Наперекор всем своим решениям Тони не сдержался, преступил черту, а теперь теряет Эмили, он понял это по ее взгляду.

— Солнышко...

Но она резко оборвала его:

— Не нужно ничего говорить, Тони, я итак знаю: зря мы это затеяли, ничего у нас с тобой не выйдет. Но оправдываться передо мной ты не должен, я сама виновата... — Она тоже села и, подтянув колени, обхватила их руками.

— Если кто из нас двоих и виноват, то только не ты, ведь это я сделал первый шаг, — мягко напомнил Тони.

— Но я тебя не остановила... Я хотела... — Эмили опустила глаза и закусила губу, сознавая, что чуть было не выложила всю правду о своем отношении к Тони. — Ты что же, считаешь, я вовсе ничего не соображаю? Мне прекрасно известно, что у мужчин все иначе: не обязательно любить женщину, можно испытывать к ней неприязнь и в то же время желать ее тело... Но даже самая бесподобная техника и сексуальность без чувства гроша ломаного не стоят.

Это все равно что прокладывать тропу через минное поле, в отчаянии подумал Тони, пытаюсь найти хоть какую-нибудь зацепку и опровергнуть то, что Эмили стгоряча наговорила.

— Верно, для секса чувства не требуются, — согласился он. Уж не боль ли отразилась в ее глазах, или это его воображение разыграло? — Но совсем другое дело, когда занимаешься любовью. — Тони ласково провел ладонью по ее щеке, по подбородку, затем повернул Эмили лицом к себе. — Именно так у меня и было с тобой, даже если тебе угодно называть это обычным сексом.

Пустой, застывший взгляд. Казалось, ее сковал паралич.

— Ты слышишь, Эми? Я давно мечтал об этой ночи — с той самой минуты, как впервые увидел тебя. — Его лицо омрачилось. — Ты даже не представляешь, что я почувствовал, застав тебя в постели с моим братом...

— А, в том-то и соль! Почему не сказать прямо, начистоту: спустя годы ты решил, что виноват

передо мной, тебе стало жаль меня, и таким оригинальным способом ты надеешься искупить свою вину... Не стоило утруждаться. И не волнуйся, я не стану резать себе вены только из-за того, что полюбила тебя.

Тони опешил, широко раскрыл глаза от изумления.

— Как видишь, у меня нет никаких иллюзий на этот счет, и тебе совсем не обязательно спать со мной только лишь из чувства долга. Я не хочу твоей жалости, Тони, я не хочу...

— Чего? — Он уже не мог себя контролировать и с силой схватил Эмили за плечи, заставляя ее смотреть ему в глаза. — Ты не хочешь меня? Мое тело, мою душу, мою любовь? Поздно, они давно принадлежат тебе. И знаешь что, Эми? Все, что тебе от меня не нужно, я намерен получить от тебя, и даже более того. Я люблю тебя, Эмили, всегда любил, и если ты еще хоть слово скажешь о жалости... — Он почувствовал ее дрожащие пальчики у своих губ.

— Пожалуйста, не надо со мной так строго разговаривать! — взмолилась она. — Ничего не говори, Тони, лучше докажи мне, докажи... — Ее руки взлетели, обвинили его шею, она прильнула к нему губами.

Они предавались любви неторопливо и самозабвенно, с бесконечной нежностью и страстью. Эмили цеплялась за возлюбленного, точно утопающий за соломинку, и испытывала только одно желание — отдать ему все, всю себя, словно это самое важное в жизни.

Возвращение к действительности было еще сокрушительнее, чем предшествовавшая ему близость. Эмили лежала в объятиях Тони, прижимаясь к нему всем телом, а он ласково поглаживал нежную округлость ее плеча.

— Ты уже решила, где мы будем праздновать свадьбу? — спросил он. — Нэнси и Долли сгорают от нетерпения.

— Так скоро? Но мои родители...

— До их приезда осталось совсем немного времени, кроме того... — Он положил руку ей на живот, и Эмили сразу догадалась, о чем он собирается сказать. — Наш ребенок должен знать, что он желанный и любимый.

— Что это? — с улыбкой поинтересовалась Эмили, когда Тони протянул ей овальную коробку, перевязанную розовым бантом.

Они были женаты уже три месяца, и никогда прежде счастье не казалось им таким полным. Медовый месяц молодожены провели на Средиземном море, а по возвращении в Ирландию Тони объявил о решении сократить до минимума свое пребывание вне дома.

— Не хочу расставаться с тобой надолго, — признался он Эмили. — А твои дела в агентстве не позволят нам путешествовать вместе.

Она не пожелала оставлять работу, и муж не настаивал, чтобы ради него она жертвовала тем, что было для нее важно и необходимо.

— Ты самое дорогое, что у меня есть, помни об этом, — как-то сказал Тони. — Я так долго мечтал о тебе, не надеясь на взаимность, и теперь не допущу, чтобы ты пожалела о том, что связала со мной свою судьбу.

Эмили еще не сообщила ему, что вскоре ей придется на время передать бразды правления в руки отца...

Она развернула блестящую обертку и издала удивленное восклицание: в коробке лежал плюшевый мишка. Неужели Тони догадался?

— Не уверен, что подсчитал правильно, но, кажется, это случилось в конце ноября?..

Только когда он произнес эти слова, Эмили поняла, для кого предназначен подарок; в глазах у нее заблестели слезы. Тони притянул ее к себе, ласково обнял.

— Солнышко мое, сможешь ли ты меня простить за все эти годы, что мы прожили порознь? Ты так измучилась, а я был настоящим садистом. Я и сам жестоко страдал, пытался убежать от тебя, но безрезультатно. Поверишь ли, но ты ни на минуту не выходила у меня из головы, а твой образ не стерся из моей памяти даже за годы разлуки.

— О, Тони...

— Прости, детка, что не избавил тебя от присутствия Гарри на нашей свадьбе, но я пригласил его исключительно ради Долли. Воображаю, каково тебе было сидеть с ним за одним столом и изображать любезную хозяйку.

— Если честно, Гарри больше меня не волнует, — успокоила его Эмили. — С прошлым покончено навсегда — и с моим, и с твоим. Мой ребенок — совсем другое дело, я о нем помню постоянно, хотя воспоминания уже не так мучительны. Благодаря тебе, милый, ты изгладил из моей жизни все неблагоприятные впечатления. — Она взглянула на него с шаловливой улыбкой. — Жаль, что ты уже купил этого медвежонка...

— Жаль? — Он нахмурился. — Да, малышка, ты права, мне не стоило напоминать тебе...

— Глупенький, не поэтому. Просто теперь тебе придется вернуться в магазин и купить еще одного. — Она с нескрываемым торжеством пристально следила за реакцией мужа. — Ты доволен?

— И ты еще сомневаешься? Ты сделала меня самым счастливым человеком на свете!

Она заглянула ему в глаза. В них, словно лампада в святилище, сияла беспредельная, неземная любовь.